

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

РОССИЙСКИЙ КОЛОКОЛ

2026 выпуск 2

18+

Никто никогда не может с точностью утверждать,

кто из них кто. Однако все знают, что старшая из них – Вера, средняя – Надежда, а младшая, как водится – Любовь. Это легенда.

Валерий Митрохин «Азовский ковчег».

Журнал «Российский колокол» 2026

Литературно-художественный журнал
Российский колокол № 2 (55) 2026

«Издательство Интернационального союза писателей»

2026

УДК 82.161.1(051)
ББК 82(2)6

Литературно-художественный журнал

Российский колокол № 2 (55) 2026 / Литературно-художественный журнал — «Издательство Интернационального союза писателей», 2026 — (Журнал «Российский колокол» 2026)

ISBN 978-5-6056384-8-3

Есть в истории русской православной культуры три имени, которые буквально впечатались в наш генетический код. Вера, Надежда, Любовь, сложенные в стихотворный дактилический ритм. Почему эти три имени выбраны нами из множества других? Может быть, потому что испокон веку мы верим, когда теряют веру другие? И надеемся, когда, казалось бы, надеяться не на что! И продолжаем любить вопреки всему! В произведениях, включённых в этот выпуск журнала «Российский колокол», вы встретитесь с этой вечной для нас темой преодоления, победы над судьбой, обстоятельствами, самим собой во имя вечного триединства нашей души.

УДК 82.161.1(051)

ББК 82(2)6

ISBN 978-5-6056384-8-3

© Литературно-художественный
журнал, 2026

© Издательство Интернационального
союза писателей, 2026

Содержание

Слово редактора	6
Русский культурный код	6
Время героев	8
Иван Жердев	8
Мариуполь	8
Евгения Мягкова	16
В день золотой свадьбы	16
Иван Нечипорук	20
Горловская весна	20
Проза	27
Виктор Афоничев	27
Год Красной Огненной Лошади	27
Путаница воспоминаний	29
Эликсир вечной молодости и здоровья	30
Владимир Демьянович Василенко	36
Чей конь заржёт первым	36
Сергей Кардо	61
Приглашение в путь	61
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Ежеквартальный журнал художественной литературы «Российский колокол» № 2 (55) 2026 г.

Учредители – Московская городская организация Союза писателей России, Фонд «Литературный центр Петра Проскурина».

Издатель – Межрегиональная общественная организация «Интернациональное сообщество писателей, драматургов и журналистов» – «Интернациональный Союз писателей».

Свидетельство Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС 77-18759 от 9 ноября 2004 года.

При перепечатке ссылка на журнал «Российский колокол» № 2 (55) 2026 г. обязательна. Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

© Российский колокол

© Интернациональный Союз писателей

* * *

Слово редактора

Русский культурный код

Есть в истории русской православной культуры три имени, которые буквально впечатались в наш генетический код. Вера, Надежда, Любовь. И разве кто-то помнит, что они пришли к нам из Византии? Это всего лишь переводы имён мучениц эпохи раннего христианства. Но имён византийского происхождения у нас много, а переведены нами на родной язык только три. И не просто переведены, а сложены в стихотворный дактилический ритм. Так что мы, произнося эти три имени вот так, навеки нераздельно, буквально пропеваем их про себя: Вера – Надежда – Любовь.

Почему эти три имени выбраны нами из множества других? Может быть, потому, что испокон веку мы верим, когда теряют веру другие? И надеемся, когда, казалось бы, надеяться не на что! И продолжаем любить вопреки всему!

В произведениях, включённых в этот выпуск журнала «Российский колокол», вы встретитесь с этой вечной для нас темой преодоления, победы над судьбой, обстоятельствами, самим собой во имя вечного триединства нашей души.

Тема войны в стихотворениях рубрики «Время героев» в который раз удивляет своей многогранностью. Можно увидеть реальность наших дней через призму времени Великой Отечественной войны, как в стихотворениях Евгении Мягковой. А можно, как в стихотворениях донецкого поэта, горловчанина Ивана Нечипорука, узнать о суровых буднях СВО, в которых человек хранит в себе человеческое.

В рубрике «Проза» вы прочитаете окончание исторической повести «Чей конь заржёт первым» талантливого писателя и публициста Владимира Василенко, ушедшего из жизни в феврале этого года.

С творчеством мурманского писателя Анатолия Сахоненко читатели уже встречались на страницах нашего журнала. Маленькая повесть «Летели качели» не оставит никого равнодушным.

А вот с писателем и художником Войцехом Яворским мы встречаемся впервые, и эта встреча, несомненно, заинтригует читателя.

В рубрике «Метафора» вы сможете прочесть окончание странной, загадочной повести дебютанта нашего журнала Андрея Прокофьева.

Заставят задуматься о непредсказуемости и мистичности человеческого бытия маленькие рассказы Анны Гройсс и Александра Казакова.

Тронут читателя женской теплотой, психологичностью, уникальным видением мира стихотворения Екатерины Громовой, Кристины Денисенко, Марии Керцовой, Дарины Никоновой, Сайен Последней, Мирославы Тархановой, опубликованные в рубрике «Поэзия».

Писатель, киносценарист и публицист поколения 60-х годов, кавалер государственных наград, лауреат многих литературных премий Ирина Ракша – частый гость нашей рубрики «Золотой фонд». В этом выпуске журнала опубликовано несколько маленьких рассказов, воспоминаний о детстве послевоенных лет.

Фантастическая сага писателя Александра Лонса о головокружительных расследованиях двух детективов в иной реальности, где миром правит искусственный интеллект, давно уже отмечена любителями современной фантастики. Читайте главу из полного загадочных событий нового романа Александра Лонса «Элис».

Крупные драматические произведения в литературных журналах – большая редкость. В этот раз нам повезло! Мы можем представить читателям драму талантливого крымского писателя, поэта, драматурга Валерия Митрохина «Азовский ковчег». Это произведение сам автор назвал драматической поэмой. Почему? Судить вам.

Публицистический очерк Аркадия Польшина «По старине и не только», начало которого было опубликовано в прошлом выпуске, наверняка привлёк внимание своей эмоциональностью и актуальностью затронутых тем. В этом выпуске журнала читайте окончание очерка в рубрике «Публицистика».

Здесь же вы найдёте статью публициста Владимира Тарасова о современном драматическом искусстве.

В прошлом выпуске журнала в рубрике «Литературоведение» была опубликована статья Ольги Камарго, посвящённая «Слову о полку Игореве». В этом выпуске вы найдёте небольшую заметку Ольги Грибановой о некоторых спорных моментах статьи Ольги Камарго.

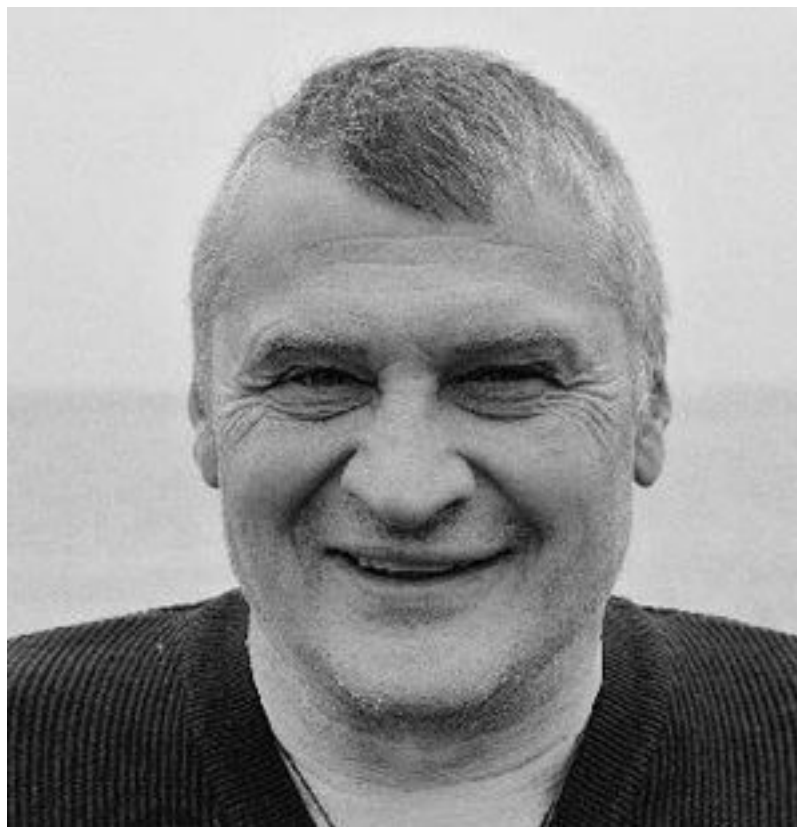
И в рубрике «Литературная критика» встречайте рецензию писателя, поэта, литературоведа Ники Батхен на книгу Александра Крейцера и Ольги Грибановой «Дерево апостола Луки».

Веры во всё доброе, надежды на всё лучшее и любви ко всему прекрасному вам, дорогие читатели.

Ольга Грибанова, шеф-редактор журнала «Российский колокол», филолог, прозаик, поэт, публицист

Время героев

Иван Жердев

Родился 3 октября 1963 года в семье офицера ВВС Северного флота СССР, в Архангельске.

Школу окончил в гарнизоне Федотово Вологодской области.

Срочную службу проходил в радиоразведке ГСВГ г. Торгау.

По одному образованию филолог (Кубанский государственный университет), по второму – юрист (Краснодарская академия МВД).

С 2015 года пишет прозу. Лауреат международных и российских литературных конкурсов.

С марта 2022 по апрель 2024 года работал военным корреспондентом в зоне СВО. Награждён медалью «За участие в СВО».

Мариуполь

(глава из книги «Русские пазлы. Война»)

Бог нашей драмой коротает вечность!
Омар Хайям

Россия от поры и до поры

*Живёт в огне войны, любви и боли,
Сейчас Господь руками медсестры
Накладывает жгут солдату в поле.*

Инна Кучерова

Мариуполь. Выезд первый

Выезд журналистов из Донецка происходит довольно организованно. Вечером подаёшь заявку, утром приходишь к зданию пресс-службы ДНР на Университетской, 7 и выезжаешь. Журналистов собирают в группы, не более пяти машин, чтобы не создавать больших и заметных колонн, прикрепляют к каждой группе старшего (вооружённого бойца от пресс-службы). Разбившись по машинам, мы выезжаем. Этим утром получилось две колонны. Мы поехали на Мариуполь, вторая группа – под Ясиноватую. Всего журналистов набралось человек двадцать-тридцать. Точно сказать трудно. В основном, конечно, наши, отечественные, плюс два француза, два индуса, итальянец и американец. Может, кто-то ещё, не знаю, но эти точно. С нами поехали французы и итальянец, остальные – на Ясиноватую. С машинами история такая: у некоторых есть свои собственные, некоторые нанимают местных водителей вместе с машиной. У кого нет никаких машин, ни своих, ни наёмных, распределяются по свободным местам. Журналисты – народ достаточно дружный и в плане помощи отзывчивый. У кого есть свободные места, предлагают, так что безлошадным никто не остаётся.

Нашего сопровождающего зовут Костя. Хороший парень. Его задача – сберечь группу, чтобы не дай бог потери или ранения. При входе в Мариуполь сразу предупреждает: основная опасность – снайперы и мины. Журналисты, как дети, стараются старшего не слушать, норовят разбежаться кто куда. Он терпеливо всех одёргивает, опять собирает вместе в одном направлении. А мы, как тараканы, опять разбегаемся.

Я вхожу в группу на Мариуполь и в машину с Дарьей Асламовой из «Царьграда» и Никитой Цицаги из news.ru. Здесь, когда знакомятся, так и представляются – именем и газетой. Я теперь Иван Материк. Даша – журналист опытный, в журналистике с начала девяностых. Прошла все возможные горячие точки: Чечню, Югославию, Ирак, Сирию; теперь здесь. На вопрос сравнения Мариуполя с Багдадом отвечает, что вещи совершенно разные. Из Багдада мирные сразу разбежались, их никто не держал, да и по вооружению и подготовке бойцов Багдад с Мариуполем рядом не стоял. Там было в основном стрелковое – наши «калаши» и пулемёты, а из тяжёлого – тоже старая советская артиллерия, да и не такая уж и тяжёлая, как здесь, ни «Градов», ни «Буков», ни «Точек У». И брали американцы Багдад полтора месяца. Сначала утюжили издалека и вошли в уже почти пустой, сдавшийся город.

Наши чистят квартал за кварталом. Конечно, и авиация долбит, и артиллерия, но всё же стараются, чтобы меньше жертв среди мирных. Когда я читаю сообщения от своих знакомых на Западе или на Украине, то там у всех есть одна сильно прокачанная их СМИ мысль: наши военные выполняют приказ командования убивать мирных жителей. То есть гибель мирных жителей – это следствие прямого указа Путина. И ты хоть кол на голове теши, они от этого не откажутся. Я им пытаюсь донести, что именно наши потери и есть следствие приказа Путина беречь по возможности мирных, не допустить массовых жертв. Но они есть, конечно, есть, невозможно без этого. Это больно, это страшно и это неотвратимо. Я говорил с выжившими, и последний вопрос был: «Обида есть?» Некоторые отворачивались, но многие говорили: «Какая обида? Слава богу, выжили». Спрашивали, откуда я. Когда узнавали, что из Краснодара, многие начинали вспоминать, как ездили с друзьями на море ещё в советское время. Те, кто выходит, криком кричат: «Нас там убивали, нас расстреливали из танков и пулемётов!»

Всегда спрашиваю: «Кто именно расстреливал?» И все отвечают: нацики, «Азов», «Айдар». Одна женщина из беженцев, ещё в Донецке, в тридцать первой школе, кричала: «Когда вам говорят, что русские стреляют, не верьте, это укропы в нас стреляют...» Здесь то же самое. Посмотрите записи на пропускном пункте комендатуры. Я ничего не меняю, ничего не подтасовываю, как снял, так и выкладываю. Отчасти и в силу своей компьютерной тупости. Не умею я работать с видеофайлами. Не осилил ещё эти программы.

По пути несколько раз останавливаемся. Опытная Даша удержала, когда я хотел сходить по малой нужде в лесок на обочину. Нельзя, говорит, мину можно поймать. Нужно только на развилку, где просёлок. Идём по очереди: сначала женщины, потом мы.

По пути множество объектов, раскрашенных в жовто-блакитний. Красят всё подряд: противотанковые ежи, перила на мосту, остановки. Как будто понимают, что ненадолго, и самоутверждаются через раскраски.

Идём колонной, на блокпостах без задержек: видимо, Костя по рации рулит. По пути огромная очередь машин в сторону Донецка. Беженцы. Почти на всех машинах надписи «Дети» и «Люди». Некоторые машины с пулевыми отверстиями. На некоторых вместо стёкол пластик. Очередь в несколько километров. Рядом пункты для оказания медицинской помощи, склады с гуманитаркой. На пропускном проверяют документы, ищут нациков и вэсэушников.

Въезжаем на окраину Мариуполя. Здесь пропускной пункт комендатуры ДНР. Костя подходит к начальнику пункта, и они согласовывают наш маршрут. Не то чтобы сильно согласовывают, просто определяют, куда безопасно пройти. Дают два направления на выбор: туда («до белого бусика») около километра или туда, тоже около километра. После короткого совещания и привычного инструктажа: не разбегаться и беречься – выбираем направление к «бусику» и сразу начинаем разбегаться и не беречься. Костя, как пионервожатый, весь день стремится придать нашей банде хоть какую-то видимость приличного отряда. Канонада гремит постоянно, то дальше, то ближе, но к нам не прилетает. Входим в первый квартал. Ветер носит пластик, дома обгорелые, разрушенные, окна выбиты, во дворе сгоревшие машины, следы костров и посуда – видно, что готовили еду. Передать это трудно, тяжело. Лучше посмотреть фотографии. Хотя лучше этого никогда не видеть.

У одного подъезда первый житель. Зовут Валера. Они здесь с женой одни на весь дом. Сначала сидели в подвале на заводе. Говорит, там и вода была, и еда. Держал их «Азов», сначала никуда не выпускали, а потом, дня три назад, те же «азовцы» пришли, сказали: идите куда хотите. И они ушли. Вернулись домой. Воду и еду привозят наши военные. Валера забирает и раздаёт тем немногим, что ещё есть в соседних домах. На вопрос: «Обида есть?» – отвечает: «Да какая обида, вот она, обида», – разводит руки и показывает обгоревшие и разрушенные дома. Потом я говорил и с другими оставшимися жителями этого квартала. Обиды не видел, но видел, что люди потеряны. Они не понимают, как жить дальше. Они не понимают, как жить сейчас. Не объяснишь им, что идёт слом мирового порядка, что Россия вынуждена воевать, что причины войны не в нас и даже не в купленной с потрохами Украине. Что это вековая война Запада на окончательное уничтожение русского мира, России. У них огромное человеческое горе. И когда они говорят «как жить дальше», это не о потере дома и имущества, хотя и это, конечно, есть. Это о смыслах. Несколько недель под взрывами, на грани смерти, многие без воды и еды, напуганные украинской пропагандой, что выходить к русским нельзя, там их сразу в лагерь, если не кончат на месте, они всё же идут, уже как обречённые, доведённые до крайности, и удивляются, что их встречают, кормят, лечат и отправляют туда, где просто тепло, есть вода и еда и где не стреляют.

Поделился с Валерой сигаретами (надо было больше взять), идём дальше. У другого дома пожилая пара, разговорились. Прошу рассказать, как укрылись, как выжили. Мужчина улыбается и даже шутит: «Прекрасно всё, замечательно, как на курортах Крыма, в Крыму такого нет», – и показывает рукой вокруг. Рядом щенок резвится, хвостиком машет. Спрашиваю:

«Ваш?» – «Нет, – говорит, – прибил, играет всё время, а корм не ест». Показывает, набирает в руку собачий корм, который здесь же, у подъезда, лежит. Протягивает щенку, тот прыгает на руку, корм нюхает и отскакивает, потом опять к руке, но корм не ест. Маленький, голодный, а не ест. Спрашиваю, как зовут, мужчина говорит: «Не знаю, я Петрухой его зову». Спрашивает, откуда я. Отвечаю. Он сразу вспоминает, как с друзьями-одноклассниками отдыхал ещё при Союзе на море, в Краснодарском крае. Как хорошо было, как дёшево и душевно. У меня нет розовых очков по поводу своей страны, и я отвечаю, что уже давно не дёшево и не душевно. И невольно думаю: а разве можно продолжать так жить, как мы живём сейчас? Неужели нужно довести и свою страну до взрывов, выстрелов и убийств, чтобы понять простую вещь: так дальше жить нельзя? Во вранье и взятках. Здесь вот отлавливают нациков, и конец их печален, а я бы вывел в чисто поле половину наших чиновников, судей, прокуроров и прочую ненужную в хозяйстве утварь куда-нибудь под Темрюком и... Нельзя даже писать, сочтут за экстремизм. Здесь, в Мариуполе, очень видно цену продажности и предательства. Цена эта – смерть.

Идём дальше. Вокруг страшные картины войны: неразорвавшиеся снаряды, мины, труп, прикрытый ковриком и придавленный осколками блока, бейсболка с надписью USA, брошенный на скамейке телефон и секундомер с застывшими стрелками. Секундомер беру на память, как символ остановившегося времени. Телефон оставляю, хотя и не верю, что найдётся хозяин. Заходим в подъезд, здесь был офис соцзащиты. На столе недопитый дорогой коньяк, бутылки из-под шампанского, коробка от конфет. Кому война...

Канонада усиливается, и Костя начинает опять собирать наш разбежавшийся отряд и выводить к блокпосту. Туда выходят беженцы из Мариуполя. Потерянные, голодные, злые, отчаявшиеся.

Одни из первых – Владимир Серпин, молодой ещё мужчина, с семьёй. Не стесняясь камер, кричит от злобы и бессилия: «Мы месяц сидели в подвалах, в бомжатниках, ни поесть, ни попить. В двенадцатиэтажках сплошь снайперы, и лупят, лупят, из автоматов, пулемётов, гранатомётов. Или “Азов”, или “Айдар”, но скорее “Азов” – там их база рядом. Идёт мужик, что-то им не понравилось – завалили и прикладом по рёбрам, по яйцам. Пацан бежит в магазин – тупо расстреливают, а там ни еды, ни воды... Люди ехали в эвакуацию на машине, их из пулемёта, водителя насмерть сразу, там ещё женщина была, непонятно, убили или ранили... Если кто с флагом белым, сразу стреляют, мол, сдаются... Пешком ещё кое-как, машиной – нет... Прибежали потому, что здесь наши... Хотелось бы пожрать просто, попить, побриться, да просто голову в порядок привести, ведь месяц... месяц... С ума уже сходили...»

Потом появляется семья: муж с женой и детьми, сыном и дочерью. Впереди толкают инвалидную коляску с бабулей. Вроде обычная здесь картина. Останавливаются у блокпоста, и вдруг крик: «Мама! Господи...» – и вся родня вокруг, и кричат, кричат. Бабушка умерла только что тут, прямо на блокпосту. Сразу убираю камеру... нельзя это уже снимать. Потом вдруг самый младший, лет десяти-двенадцати, кричит: «Пульс есть!» Гляжу, а он руку на шею положил и прямо на меня смотрит и кричит: «Подойдите, посмотрите». Подхожу, кладу руку на шею, я не медик, мне понять трудно, но то ли на самом деле чувствуется, то ли так сильно хочется, но вроде действительно есть слабые толчки. Говорю: «Вроде есть... слабый очень». Подбегает ещё военный, пробует, говорит: «Нет, нету». Потом мальчик опять, потом я... Вроде есть. Девушка на белой машине, Юля, она здесь ждёт своих и, пока ждёт, отвозит раненых и немощных к следующему блокпосту, там медпункт. С сыном бабули затаскиваем её в машину. Она ещё тёплая, ноги гнутся. И тут вдруг какая-то бабка от блокпоста кричит: «Подождите деда моего!» А парень, который в машине мамку держит, в шоке, ничего не понимает и просто выполняет команды. Он вылезает из машины и бежит к тому деду. Я кричу: «Стой, назад!» Он останавливается, бежит назад и опять садится в машину. Нужно, чтобы ещё кто-то поехал, а семья тоже в ступоре. Я беру за руку их старшую и сажаю в машину. Уезжают.

Машина уходит вниз по дороге, а следом из города вылетает БТР, сверху накрытый какими-то баулами, чемоданами, как махновская тачанка. А поверх этого вроде лежит голая женщина. Всматриваюсь: нет, манекен раздетый из дамского магазина. На скорости улетает вниз, вслед за машиной с бабулей и сыном. Нелепости войны...

Минут через десять возвращается Юля. Спрашиваю: «Как?» – «Не знаю, – говорит, – надеюсь, выживет». Я её прошу рассказать о себе. Она говорит, что сама из Мариуполя, ждёт здесь своих. Хотят отца уговорить идти, а он очень слабый. Рассказывает ту же вечную и страшную мариупольскую историю. Как прятались, как спасались. И вдруг вскакивает, кричит: «Мама!» Гляжу: женщина пожилого возраста с чемоданом-каталкой идёт и ревёт. Юля: «Где папа?» Она говорит: «Не идёт. Тут, говорит, умру, вы идите». И вдруг начинает кричать: «Я вас всех ненавижу... За что?! За что?! Ничего не осталось». Подскочили французы-репортёры, снимают. Им нужна эта ненависть. Потом у них там покажут, как они ненавидят русских. Хочется их спросить: а вы не понимаете, что это вы всё устроили? Именно вы, вместе с другими такими же. А вы не думаете, что через несколько лет ваш Париж так же бежать будет через наши блокпосты? Но я не спрашиваю. Бесполезно – это раз. А во-вторых, они тоже с нами здесь ходят и тоже могут мину поймать или снайпера. И мне с ними ещё снова выезжать. Но вопрос этот у меня есть, и я его когда-нибудь задам. Но не сейчас.

Потом сижу с ребятами с блокпоста, курим, разговариваем. О том о сём. Подходит мужчина, беженец, протягивает документы, в них купюра – двести гривен. Ополченец протягивает деньги обратно: «Забери». Потом отводит его в комнату, тот снимает свитер. Беглый осмотр – наколок нет. Задирает штанины – тоже ничего. «Проходи».

Уже вечереет. Собираются наши. Последним подходит белый минивэн с оператором, тоже отвезили беженцев вниз, к следующему блокпосту. Пора ехать.

Едем уже в темноте, и вдруг снег, метель, очень крупный снег и ветер. Видимость почти нулевая. И так почти до Донецка. Вспоминается «Метель» Пушкина. Основная идея повести – то, что жизнь людская подчиняется року и судьбой управляют тайные силы, способные нарушить любые планы, изменить ход событий.

Города Мариуполя почти нет. Надо будет строить новый. На том же месте.

Мариуполь. Выезд второй

И снова в Мариуполь. По версии епископа Екатеринославского и Таганрогского Феодосия, название города произошло от имени Матери Божией Марии. По другой версии (историка Г. И. Тимашевского), название дали в честь вдовы императора Павла I, Марии Фёдоровны. Императора убили заговорщики-гвардейцы при прямом участии и подстрекательстве британского посла лорда Уитворта. «Англичанка гадит» давно и везде, и не только в России. Недаром говорят: если утром два старых добрых соседа поссорились, значит, вчера вечером к одному из них заходил англичанин.

В этот раз старшим едет боец Степан, позывной «Дикий». Дикого ничего в нём нет. Разве что он часто и умело матерится. В наших условиях это совсем не дикость, а колорит. Тоже очень хороший парень.

Опять группа из пяти машин. Перед Мариуполем останавливаемся, надеваем «доспехи». Потом разделяемся: две машины уходят в одну сторону, наши три – в другую.

Прямо над нашими головами пролетает стая «крокодилов» – Ми-24. Стёпа привычно комментирует: «Низко летят: к дождю».

Въезжаем на парковку ТЦ «Метро». Здесь очень много людей, несколько тысяч. Стоят в очереди к центру оказания помощи: медицина, продукты, регистрация.

Подхожу к людям, стоящим в очереди, разговариваю. Очереди огромные, на руках пишут номера, мне называли номер 1723. Одна женщина согласна дать интервью, зовут Наташа Шишман. У неё номер 765, это отдельно для инвалидов.

Говорит, что многие не могут сами прийти, потому что очень больны, парализованы, ранены. Вытирает слёзы... Много стариков. Говорит, что военные относились очень хорошо, просили освободить квартиры, потому что это опасно. Ждём, когда освободят наш район и к нам придёт гуманитарная помощь. Передаёт привет родственникам Чеботарёвым в Волгограде. Дочка Валечка уехала в Харьков, связи нет. Если вдруг увидит интервью или прочитает, то пусть знает, что мы живы. Скоро нам дадут карточки, и мы сможем позвонить...

Пока брал интервью у Наташи, с нашими французами случился казус. Спрашивают у Стёпы Дикого: «Можно дрон запустить?» Он: «Можно, только если его... шлёпнут, я не виноват». Запускают, дрон поднимается метра на четыре и висит, команды не слушает, висит, глаза пучит и работать не собирается. Видимо, наши глушат связь с дронами наглухо. Группа стоит, думает, что теперь делать. Если ждать, пока зарядка закончится, весь день пройдёт, и французов здесь не оставишь одних. Подгоняют под дрон машину, оператор залезает и пробует руками достать, не достаёт, машет, машет. И вдруг дрон неведомо каким путём врубается в ситуацию и начинает медленно опускаться, прямо в руки французу. Жаль, снять не успел. Хороший был момент, весёлый.

После едем в мариупольскую больницу. Народу внутри и вокруг тоже много. Поднимаюсь на третий этаж, и тут мне везёт: беру интервью у старшей медсестры Татьяны Георгиевны Гуриной. Она очень устала, сначала отказывается: видно, что человек измотан. Уговорил. И я очень хочу, чтобы все знали таких людей. Это очень большие люди. Они уже месяц здесь живут, не выезжая. Огромная нехватка во всём, а главное – персонал и лекарства. Посмотрите, как устала эта женщина. Прошу наше Министерство здравоохранения: помогите. Обращаюсь к нашим врачам. Если кто имеет возможность, приезжайте. Здесь нужны ваши руки и сердца.

Хирург занят всегда. Прямо в палате штопает мужику ногу. Мужик стонет. Через открытую дверь делаю снимок. Уже не спрашиваю разрешения. Это нужно видеть.

Эта больница осталась одна на весь город. Везут раненых, больных, рожениц, везут всех. Света нет, работает генератор, и только на операционную. Операции идут постоянно. Нужны лекарства. Нужны санитарки, медсёстры, врачи – нужны все. Привезли всех рожениц из роддома, с перебитыми ногами, руками. Но все рожают, сначала одни девочки рождались, а вот последние – все мальчики, три пацана.

Вот, показывает, выписываются. Идёт мужчина, за ним – женщина с ребёнком. Анатолий Бадуленко, жена – Лидия Павловна. Родился мальчик, назвали Володей. Жена говорит: вес около четырёх кг. Теперь внимание: это восьмой ребёнок в семье. **ВОСЬМОЙ!**

Живут в Мариуполе, Новосёловка, ул. Халтурина, 23, недалеко от церкви. Это тоже для тех, кто хочет и может помочь.

Недалеко от больницы стоит военная машина, вокруг ополченцы. Подхожу, знакомимся. Ребята весёлые, с удовольствием общаются, шутят, разрешают снимать.

Самый колоритный ополченец – Дима, позывной «Лис». Говорит: «Мы победим, потому что за нами правда». – И ещё: «С нами Бог и Россия». Показывает трофей – боевой нож с гравировкой: с одной стороны «Айдар», с другой – «Макс». Спрашиваю: «Как добыл?» Привычно закатывает глаза и говорит: «В тяжёлом, неравном бою... Их было семеро...» – и смеётся.

Знакомимся с другими ребятами. Все на позитиве. Говорят то же самое: мы победим. Если надо, и до Львова дойдём, и до Берлина. Да и до Вашингтона, если прикажут.

Идём дальше. Разрушения, конечно, огромные. Здания разбиты, внутри кафе, магазинов пустые полки, разбитые окна.

Подходит старый больной дедушка с палкой, рядом два тяжёлых пакета. Просит: «Ответите до дома, сынки. Там бабка, совсем больная, умрёт, я вот помощь взял, а не донесу». На

нас броники и каски, и местные принимают нас за какую-никакую военную власть. Даже надпись «Пресса» не влияет. Нам, по идее, отлучаться нельзя, но Дикий ушёл с группой телевизионщиков во дворы, и мы рискуем. Сажаем деда в машину, пакеты – в багажник, едем. Надо отдать должное нашему водителю Валере Субботину. Это вообще не его дело, но он мужик местный, всё понимает и себя от нас не отделяет. Он, в отличие от многих, глубоко понимает, что происходит и в мире, и в его родном Донбассе. Проезжаем два блокпоста, выручает аккредитация в зону боевых действий. Далеко дед забрался, как он до пункта помощи доковылял – вообще непонятно. Но туда хоть налегке...

Короче, довезли, выгрузили – и назад. Стёпа узнал, сделал выговор за самоволку: нельзя так больше. Оказывается, мы выехали за наш последний блокпост, в серую зону, почти к украинцам. Послушно соглашаемся, хотя все понимаем, что сделали правильно. И Дикий – тоже.

Пока собирается группа, подхожу к двум студенткам, сидят на скамейке, отдыхают. Соглашаются на интервью. Одну зовут Влада, другую – Настя.

Рассказывают, что выживают группой, молодые ребята, девчонки. Ребята тушат пожары, разводят огонь для еды, девчонки добывают продукты. Спрашиваю: как? Отвечают: ходим, меняем, у кого что есть. Рядом с ними несколько бутылок колы. Влада училась на третьем курсе филиала института международных отношений. Несмотря на войну, выглядит очень ухоженно. Спрашиваю: как так? Она: война войной, а макияж по расписанию.

Прощаемся, желаю им удачи, и студентки уходят. На скамейке остаётся табличка «Вместе мы сделаем больше».

Да, идёт война, гибнут люди, рушатся дома и государства, но вот здесь, прямо в этом квартале, рождается восьмой ребёнок – мальчик Владимир, целых четыре килограмма; дед, спотыкаясь, тащит еду и лекарства своей бабуле; «макияж по расписанию» и очень правильная табличка – «Вместе мы сделаем больше». И думается мне: неужели нам, позабывшим истоки людям, нужна война для того, чтобы наконец объединиться, перестать грести под себя и жить по Совести? И понимаю, что ДА, нужна. По-другому мы не умеем, не научимся.

Сижу на этой самой скамейке. Подходят люди, обычные, пережившие ужас мариупольцы. Первыми – два парня. Один, Максим, просит, как выеду, позвонить матери. Спрашиваю, куда позвонить, говорит: в Мариуполь. Не сразу понимаю, что он в Мариуполе не может найти или позвонить матери. Потом доходит, что здесь связи нет и она в другом, разделённом войной, районе. Пишет записку с номером и именем-фамилией матери. Горева Галина. Говорит: она если жива и не спустилась в подвал, то живёт на одиннадцатом этаже, а там связь иногда схватывает. Если этаж цел и она там, то, может быть, дозвонюсь. Складываю записки в карман. Там ещё Юлия Малая в Волгограде, родители просят передать, что выжили и всё у них хорошо. Смотрю на родителей, понятие «хорошо» здесь другое: живы, не ранены – уже хорошо. Обещаю дозвониться. Ещё один парень, Никита Киреев, просит позвонить отцу. Вся родня эвакуировалась, Никита остался с бабушкой. Бабушка в списках на эвакуацию, как отправит, просит отца выслать машину за ним.

Сразу скажу: дозвонился всем. Особенно хотелось, чтобы Галина Горева на одиннадцатом этаже откликнулась. За неё больше всех переживал. С третьей попытки дозвонился. Жива, слава богу. Связь плохая, но всё же докричался, что сын Максим живой и с ним и его близкими всё в порядке. Юлия Малая, как услышала, сразу зарыдала, справиться не могла. Но потом нормально, успокоилась: я ей всё рассказал. Хотел её родителей на видео снять, чтобы переслать, но они не согласились: плохо, мол, выйдем, да и не надо это... И отцу Никиты тоже дозвонился и всё передал.

Группа собралась, едем домой, в Донецк. По пути опять нелепость войны. На обочине совершенно пустой дороги – в обе стороны на десятки километров ни жилья, ни людей – стоит очень белый унитаз. На нём сидит мужик, курит и смотрит в небо. Небо синее. Сегодня первый день тепло.

Невольно вспоминаю Лиса: «За нами Бог и Россия. Мы победим!»

Ты думаешь, всё ровно, гладь да тишь,
И новости порядком надоели...
Они тебя убьют, пока ты спишь
В своей уютной шёлковой постели.

Инна Кучерова

Евгения Мягкова

Родилась в 1939 году на станции Байка Ртищевского района Саратовской области. Окончила Саратовский университет имени Н. Г. Чернышевского (филологический факультет) и Пензенский пединститут имени В. Г. Белинского (факультет иностранных языков). С 1963 года работала учителем немецкого языка в городе Сердобске. Имеет звание «Отличник просвещения Российской Федерации».

Автор поэтических и прозаических сборников: «Ведьмина любовь» (1992), «Древо жизни» (1997), «Рябины гроздь» (1999), «Над рекой Сердобой» (2002), «Приметы осени» (2004), «Соло во славу Творца» (2005), «Зарастает иван-чаем» (2008), «Серебряное соло» (2014), «Вот такая история» (2016), «Сказки с былью пополам» (2018), «Избранное» (2020), «Гимн жизни» (2021), «Памяти бессмертные цветы» (2022), «Моё блаженство – говорить стихами» (2023), «О Боге факелы поют» (2023).

Публиковалась в различных газетах и журналах. Обладатель нескольких литературных премий.

Член Союза писателей России.

В день золотой свадьбы (стихи)

*Моей свекрови Т. Г. Мягковой и всем вдовам Великой
Отечественной войны посвящается*

Сказал он: «Сегодня полвека, Танюша».
«Я помню», – ответила тихо она.
Стоял на столе незатейливый ужин,
И свадьба была без гостей и вина.

Спросил: «Почему же ты плачешь, Танюша?»
«Знать, слёзы не вышли», – сказала она.
«А много ль дано их на женскую душу?» —
«До смертного часу не высушить дна».

«О чём же теперь ты горюешь, Танюша?
Какая с тобой приключилась беда?
Обидели дети? А может, недужишь?» —
«От века птенцам улетать из гнезда.

От века у старости хвори – подруги,
И людям от века встречаться с бедой.
А плачу о том, что черны мои руки
И выцвели очи, а ты... молодой».

И долго она за него говорила
И ласковых слов не жалела в ответ.
За горькую долю свою не корила
И лишь за молчанье корила портрет.

Немецкий пруд

Моей маме М. С. Рыжовой

Убегало детство
На Немецкий пруд.
«Почему немецким
Русский пруд зовут?» —
Дёргаю упрямо
Маму за подол,
Поспешает мама
На дневной подой.
«Потому что немцы
Рыли этот пруд.
За краюшку хлеба —
Тяжелейший труд.
С хлебом миска каши,
Ковш похлёбки к ней.
И детишки наши
Ели не сытней.» —
По моим лопаткам
Мамина рука. —
«Пленные солдаты

Жили тут пока...»
Добиваюсь толку,
Маму теребя:
«Страшные, как волки?»
«Нет, смирней тебя.
Наши ребятишки,
Как ягнят, “пасли”.
Им кричали: “Фришки!
Нате торнослив!”
Спали в складе старом
Без постелей, без...
Что в живых остались —
Рады до небес.
Вырыли канаву
Вдоль всего села,
Чтоб весной каналом
В пруд вода сошла.
Сделали плотину,
А потом ушли.
А у нас скотину
Люди завели...
Отпою худышку
Молоком парным.
Господи, дай фришкам
Добрести к родным!»

Столько было боли!

Всем стараньям дьявола иль чёрта,
Всем врагам и всем смертям назло
Из-под трупов вылезла девчонка:
Ей одной из сотен повезло.

Повезло ли? Или мать хотела
Уберечь любимую от пуль,
Заслонив малышку мёртвым телом,
Падая на землю, словно куль.

Повезло ли? Разгребать руками
Ей полуметровый слой земли,
Тело отвердевшее, как камень,
Ото сна очнувшись, отвалить.

Помнила, что солнце есть и небо,
А под ними есть и жизнь, и кров.
И найдётся в нём хоть корка хлеба
И хоть чья-то верная любовь.

И вода из мелководной речки,
Чтобы смыть набившуюся грязь,
И тепло от неостывшей печки,
В чугуне разваренный карась.

Что она, восставшая из мёртвых,
Девочка, увидела вокруг?!
Как, на километры распростёртый,
Оголился горизонта круг.

Ни домов и ни сараев даже,
Где вчера кричали петухи.
Только печки, чёрные от сажи,
Сиротливо зябли вдоль реки.

Только по ветле у этой речки,
Где всегда плескалась детвора,
Девочка нашла родную печку
И останки отчего двора.

И за то обугленной спасибо,
Что со дна пустого чугуна
Соскребла распавшуюся рыбу
Девочка, на восемь вёрст одна.

Только соли, столько было соли,
Что слезой не изошла, кажись!
Только боли, столько было боли,
Что хватило женщине на жизнь!

Иван Нечипорук

Коренной горловчанин. Родился 24 июня 1975 года. В довоенном прошлом – шахтёр с двадцатилетним подземным стажем. Параллельно с работой в шахте сотрудничал с городскими и областными газетами в качестве репортёра и ведущего литературной рубрики.

Выпускник Горловского института иностранных языков и Славянского государственного университета (филфак, заочно). Автор нескольких книг стихов, прозы и очерков.

Зампредседателя Межрегионального союза писателей, член СП России и Славянской литературно-художественной академии (Болгария).

Горловская весна (стихи)

Отцвели форзиции,
Сдав свои позиции:
У весны ротация – зацвела сирень.
Но безлюдны улицы,
Поднебесье хмурится,
Здесь автоматически человек – мишень.

Старой бесприданницей
Ходит смерть и мается,

Косит одуванчики, топчет зелены.
А мои окраины
Биты и изранены,
Плачутся околицы в фосфорных огнях.

А весна не ленится,
Всё цветёт и пенится.
Что ей до погибельных огненосных дней?
И с предельной грацией
Кружится в акациях,
Всё по расписанию, даже на войне...

С большака

С большака сворачивай направо
И шагай-ка вдоль березняка.
Чувствуешь, становится легка
Ноша жизни? Зелёная отава,
Песня света льётся как река!

Этот путь давно тобою избран:
Клевер справа, а напротив – рожь.
Солнце, словно раскалённый грош,
Колесом прокатится по избам,
Перепрыгнув через тонкий Сож.

Это лето! Это мир смеётся,
Здесь всё так же пахнут и поют...
В васильково-злаковом краю
Ты постой у старого колодца,
Ощути Вселенную свою.

Пришёл июнь

Пришёл июнь, рождается жара,
Цветёт чубушник в раненых дворах.
И нет надежды на дожди и грозы.
А по следам за мною ходит страх,
Который знает: это не игра,
А вынужденный шаг к метаморфозам.

Но тишина рептилией в жару,
Подставив спину солнцу поутру,
В себя вбирает умиротворенье.
На миг забыв войны порочный круг,
Мне верить очень хочется: «А вдруг

Продлится это хрупкое мгновенье!»

Над Лахтой

Над поморской деревней глубокий, как бездна, туман...
Тихо плещет Мезень, а вверху отзываются гуси.
Луговиною пахнет, и воздух как будто медвян,
Благодать разливается в небе над северной Русью.

И катает межник пенноснежную кипень волны,
Над причалом сыреют на вешалах тучные сети.
В море дышащем тают приметы холодной весны,
И усталое солнце сквозь тучи багряные светит.

Вечерне-предзакатное

Нутро ведра осколками забито,
Скрипит сосед, спеша на свалку дня.
Судьбы мирской расколото корыто,
Посёлок тонет в розовых огнях.

Сады цветут в беззвучном ожиданье,
Что вдруг цветком созреет слово «мир»,
Но мчится время быстrokрылой ланью,
И звуки взрывов снова рвут эфир.

Вновь над посёлком облака клубятся,
Вплетается в них чёрная тоска.
И жители спешат домой убратъся:
Под вечер канонада так близка.

Закат багрит курганы терриконов,
И стекленеет поднебесья твердь.
Война не признаёт чужих законов
И сеет бурю, пожиная смерть.

На запад

Века то сомнений, то странных иллюзий,
Где время на шее стянулось узлом,
И нас, словно клочья, судьбой разнесло.
Здесь ветры уныло поют в ритм-энд-блюзе
О том, как взрастало, лелеялось зло.

Теперь нам придётся решать всё нахрапом,
Снимая с паршивой овцы шерсти клочок.
Истории не был усвоен урок —
И гуннской ордой мы шагаем на запад,
Чтоб мирной зарёю зарделся восток.

О Донбассе

Путь мой до конца ещё не ясен.
Жизнь бродяжья сединою красит,
А терзания мои на самом дне.
Все мои тревоги о Донбассе,

С мыслями о горловской весне.
Дни мои колючей и упрямей,
Словно снова брошен в воду камень,
Проплывают годы-корабли...

Я живу торецкими степями,
Обрами выжженной земли.

Голоса

В. А. П.

Я собираю жизнь по крохам,
Но и потерь моих не счесть.
Что жизнь? Сплошная суматоха.
Но знаешь, всё не так уж плохо,
Когда надежда в сердце есть.
Из неподсудного далёка
Всё так же льются голоса,
И ни упрёка, ни намёка
На то, что жизнь порой жестока...
И тлеет вера в чудеса.

Не помню

Своим сознанием больным
Терзаюсь чувствами вины
Всё неуёмней.
Но мне теперь слова страшны:
«Ты помнишь время без войны?» —
А я не помню...

Ищу в дыхании страниц,
Где время то эрзац, то блиц,
Там брат на брата...
А зло не ведает границ,
И хлещет кровь передовиц
От невозврата.

Чёрная млечность рассвета

Что там, в моём заклеенном конверте:
Апатия, а может, фатализм?
Здесь жажда сна сильнее страха смерти.
Я в этой безобразной круговерти
Устал смотреть на раздиранье риз.

И снова жизнь, как карусель, по кругу
И требует: «Смирись, не прекословь!»
Когда гераней в небо льётся fuga,
На Млечный Путь смотрю я без испуга,
И горлом сгустками опять идёт любовь.

Цветенье

Забудь про февраль, про снега и заносы,
Доверься теплу, наслаждайся весной...
Один взмах руки – и цветут абрикосы,
Другой – и печали уходят на дно.

Пьянят тополя, распускаются клёны
И вяхири выют на берёзе гнездо.
Мой город избитый, но вечно влюблённый,
Его не смущает ничто и никто.

К апрелю ещё вызревают вопросы,
И только в мечтах у нас тишь, благодать.
Ты знаешь, когда здесь цветут абрикосы,
Вскипает желание – не умирать.

Брусиловское

Закровавлены зорями алыми
Перевалы, и труден наш путь.
В эти русские земли усталые

Мы пришли, чтоб надежду вдохнуть,

Продвигаясь на марше колоннами...
Наши тропы отнюдь не легки.
Разразилась брань между коронами,
А страдают опять мужики.

Мы шагаем с тревожными лицами,
Продвигаясь вперёд и вперёд.
А зелёные горы Галиции
Не подскажут, где смерть наша ждёт.

Путь на запад мрачней и загадочней
С каждым днём, от зари до зари.
Пахнет чем-то миндальным и яблочным —
Это август... А может, иприт...

С каждой осенью

Мой город с каждой осенью смиренней,
А шахты не слоны, чтоб уходить.
И умирать вдали без сожалений
Потерянных уставших поколений,
Что упустили Ариадны нить.

Мой город, ты геройский и бедовый,
Правофланговый трудовых фронтов.
Твой быт разбит, надежды тупиковы...
Шатровые копры стоят, как вдовы,
Над жерлами затопленных стволов.

День прошёл

Стадо не спеша бредёт домой.
Пыль курится в пламени заката,
Облака плывут над головой,
Оседает августовский зной,
И коровы плавны и покаты.
Стадо возвращается домой.

Хлыщет землю плётка пастуха,
Ботала, как глухари, токуют.
День, как старый ЗиЛ, прогромыхал,
Золотится на домах стреха,
Осенняя суета мирскую
Под босяцкий посвист пастуха.

Весна

А что весна? Весна идёт по плану:
Поют зарянки и цветёт сирень.
Неповторимый каждый Божий день.
Апрель течёт, и расцветает плавно,
И прогоняет чёрную мигрень.

И рвутся в небе облака на части,
Как будто преломляются хлеба.
Свет достигает сущих во гробах,
И мы живём предощущеньем счастья,
Что дух смирения нам станет по зубам.

Проза

Виктор Афоничев

Родился в городе Искитиме Новосибирской области.

После школы окончил Новосибирский электротехнический институт, потом служил два года в армии офицером. Вернулся домой. Работает на заводе.

Публиковался в журналах «Юность», «Дарьял», «Север», «Огни над Бией», «Южная звезда», «Литературная учёба», «Метаморфозы» (Белоруссия), «Нива» (Казахстан), в сборнике «На земле единой». Вышла книга «Пошехонцы».

Год Красной Огненной Лошади

Шёл год Красной Огненной Лошади. В мире творились безобразия. Солнечная активность била все рекорды многолетних наблюдений. В Азии свирепствовал вирус Нипах, убивая восемь человек из десяти за пару дней. Но больше всего внимание привлекал президент США, с волнообразной периодичностью кошмаривший разные страны. То их руководителей объявлял своими лучшими друзьями, то по прошествии нескольких дней обещал им показать «Кузькину мать». Накануне ждали инопланетян с надеждой, что те всё разрулят. Но те не прилетели.

Маша Миронова, главный технолог кондитерской фабрики «Три нимфы», читала эти новости на смартфоне, и тревоги мира усиливали её беспокойство. Она являлась лучшим главным технологом всех шоколадных фабрик страны. Сие звание получила за конфеты «Эвридика». Был клич: «Дадим стране больше товаров по доступной цене». Маша и её подчинённые откликнулись, и в кратчайшие сроки была разработана рецептура новой сладости. Страна

получила то, что просила. Местные маркетологи придумали слоган для этих конфет: «Дешевле только гудрон». Но получилось как в известных виршах: «Было гладко на бумаге, да забыли про овраги, а по ним – ходить». Первый овраг – конфеты не держали форму, расплзались, превращаясь в жирную кляксу. Подвергли их заморозке. Изделие стало держать форму, но потеряло в весе. Что привело к удорожанию продукции, и она выпала из сегмента товаров по доступной цене. Второй овраг – при употреблении данного лакомства оно прилипало к зубам, и так крепко, что при попытке его отодрать вместе с ним извлекались пломбы и зубные протезы.

Дальше – больше: местный педагог-новатор провёл изыскания на тему воспитания детей. Опросив родителей, пришёл к выводу, что ремень – в прошлом, сейчас больше всего дети боятся, что их заставят есть конфеты «Эвридика». На этом фоне продажи сошли на ноль. А у Маши были далеко идущие планы по созданию линейки товаров по доступной цене. В дальнейшем планировалось запустить в производство конфеты «Орфей» под слоганом: «Не жуй гудрон, экономя деньги, кушай конфеты “Орфей”». И рецептуру под ценник разработали, осталось только дать отмашку.

План по реализации конфет «Эвридика» трещал по всем швам. Главный технолог ломала голову, *что* ей докладывать директору фабрики. Свалить всё на сбыт или производство, как это делала она раньше, – сейчас могло не прокатить. Спросила совета у Алисы, та ей порекомендовала заходить в кабинет руководителя задом. Маша вспылила и громко в ответ сказала: «Дура!» Алиса парировала: «Сама такая!» Главный технолог, поняв, что перепалка дальше бессмысленна – оппонент найдёт, что сказать в ответ, – откинула в сторону смартфон и тут же почувствовала дискомфорт и неуверенность. Руки потребовали вернуть телефон обратно. Пальчики быстро схватили его и сами по себе, независимо от мозга, побежали по дисплею. Попадание в какой-то канал. На экране мужчина, сидящий за столом, перед ним микрофон и табличка с надписью «эксперт». Ему задают вопрос: «С чем связано агрессивное поведение президента США?» Эксперт делает задумчивое выражение лица, выдерживает паузу, берёт в руки листок бумаги, расчерченный цветными карандашами, после чего произносит: «Если посмотреть натальную карту президента США, то он родился с Солнцем в Близнецах и с асцендентом в последнем градусе Льва. Близнецы – люди болтливые, непостоянные, у них полно иллюзий и фантазий. Сегодня принял одно решение, завтра передумал. Лев априори – король, считает себя исключительным, думает, что ему все обязаны, что он всегда должен быть в центре внимания, в придачу животное агрессивное. А так как президент США – солнечный Близнец, а в этом году солнечная активность зашкаливает, получается гремучая смесь». «Вот в чём причина неудач с конфетами “Эвридика” – в солнечной активности! – осенило главного технолога. – Так и буду докладывать директору», – вслух произнесла Маша. Тут же дала команду подчинённым оформить в цвете график солнечных вспышек за этот год на бумаге формата А1.

Возвращаясь после работы, Маша Миронова заметила вывеску на доме: «Кофе. Десерты. Домашний шоколад». Остановила машину. Внутри заведения вкусно пахло кофе, корицей, шоколадом. Главный технолог заметила, что освобождается столик около окошка. Пожилая женщина с мальчиком собирались уходить. «Бабушка, когда мы сюда ещё придём?» – розовощёкий мальчуган лет восьми, надевая куртку, задал вопрос. «Если до конца недели не будет у тебя троек, то в выходной день», – пообещала бабушка. Она заняла их место. Минуты через две подошла официантка. Маша заказала кофе, кекс с изюмом и шоколад. Всё было очень вкусно, особенно удивил шоколад. Когда расплачивалась с официанткой, спросила у неё:

– Кто вам поставляет шоколад?

– Вам понравился?

– Эндорфин зашкаливает, – подтвердила Маша. Видя, что официантка не поняла, пояснила: – Эндорфин – это гормон удовольствия.

– Шоколад готовим сами. Берём какао-масло и какао-порошок у проверенных производителей, сливочное масло – у фермера, коричневый сахар. Всё это смешиваем в определённом

ных пропорциях и готовим на водяной бане. Потом разливаем по формочкам. Так получается вкусный шоколад.

Путаница воспоминаний

Иван Петрович и Николай Семёнович работали в конструкторском отделе завода «Красный богатырь». Трудились они здесь очень давно. Каждый работник проходит три стадии трудового пути: первая, когда начальство старше; вторая, когда начальство – ровесники; третья стадия, когда начальство младше. У наших героев была третья стадия в её последней фазе. Коллеги их называли динозаврами. А редактор заводской газеты регулярно обращалась к ним за информацией для рубрики «Воспоминания из прошлого».

За время трудовой деятельности Ивана Петровича и Николая Семёновича на «Красном богатыре» сменилось пять директоров. С первым прожили семнадцать лет, он в то время для Вани и Коли казался памятником – не сдвинуть. И этот монумент как-то неожиданно ушёл на пенсию. Второго директора по прошествии двенадцати лет – ничто не предвещало этого события – арестовали. Сей факт прокомментировал Иван Петрович: «Он не виноват. Должность такая и время такое». С третьим с самого начала его деятельности было ясно, что заберут. Через год он подался в бега, поймали на границе, пытался перейти на другую сторону. От кармы не уйти – забрали. Четвёртый директор был временно исполняющим обязанности. Год заполнял пустоту между третьим и пятым боссами. Пятый директор всё время ждал своего повышения, сидел на чемоданах. На заводе сформировалась группа из сердобольных добровольцев, если что – оказать помощь при его отбытии, отнести эти чемоданы на станцию. На шестой год, утром в понедельник, придя на работу, узнали новость: генеральный пошёл наверх. Снялся так быстро, что инициативная группа носильщиков не успела помочь в погрузке вещей. Теперь ждали назначения шестого директора. По текущему моменту Николай Семёнович высказал своё мнение Ивану Петровичу: «Если мы хотим в этом театре ещё дольше задержаться, надо оставаться зрителями на галёрке, не дай бог попасть на сцену».

Несмотря на отбытие руководителя, жизнь на заводе продолжалась. Николай Семёнович зашёл в отдел технической документации сдать на хранение чертежи. На месте Насти увидел другую женщину, старше бальзаковского возраста, где-то за пятьдесят.

– А где Настя? – спросил он.

– Настя уволилась, я теперь буду за неё, – ответила женщина.

Николай Семёнович внимательно всмотрелся в лицо новой сотрудницы. Лицо показалось очень знакомым, только не мог вспомнить, откуда он её знает.

– Мы с вами пересекались? – прямо спросил он.

– Да, – потупив взгляд и покрывшись лёгким румянцем, ответила она.

Дальше, чтобы не показаться бесцеремонным склеротиком, не стал выяснять обстоятельства знакомства. Он уже несколько раз попадал в такую ситуацию и успешно выкручивался из неё. Когда другая сторона выкладывала всё, он выдавал тираду: «Дорогая, как ты могла подумать, что я мог тебя забыть? Это была проверка, помнишь ли ты меня».

Вернувшись к себе в отдел, Николай Семёнович сообщил Ивану Петровичу новость о новой сотруднице. Иван Петрович тотчас направился в отдел технической документации. По возвращении своего коллеги Николай Семёнович поинтересовался:

– Как?

– Хорошенькая.

– Я ещё не совсем слепой и без тебя это увидел. Ты мне ответь: где я с ней мог пересекаться?

– Думаю, это Лиза.

– Какая Лиза?!

– Лиза из ОКСа, которая на улице Ленина жила.
– Ты с ОКСа звали Леной, и она жила около базара.
– Ты ничего не помнишь.
– Я всё хорошо помню.
– Если ты всё хорошо помнишь, тогда зачем меня пытаешь?
– Тебя проверяю. Можно ли тебя куда-то одного отпускать или уже за руку необходимо водить.

– Тогда кто это?
– Катя из отдела главного энергетика.
– Катя была худенькая как щепка и в придачу блондинка. А эта в теле и тёмненькая.
– Ты тридцать лет назад тоже худосочный был и с волосами на голове. Теперь лысый и с животом. А волосы женщины, к твоему сведению, регулярно красят.

В столовой на обеде наши друзья, заметив одиноко сидящую то ли Лизу, то ли Лену, то ли Катю, подсели к ней.

– Как вам завод после стольких лет отсутствия? – задал вопрос Иван Петрович.
– Я здесь никогда не работала. Всю жизнь отдала кондитерской фабрике. Попала там под сокращение, вот и устроилась к вам, – ответила она.

– Тогда где мы с вами пересекались? – спросил Николай Семёнович.
– В девяностом году мы вместе ездили по путёвке в Болгарию. Вы двое – от «Красного богатыря», а я – от кондитерской фабрики.

Воцарилось молчание. Ни Николай Семёнович, ни Иван Петрович никогда не были в Болгарии.

Эликсир вечной молодости и здоровья

Заместитель министра здравоохранения в пятницу вечером вышла из салона красоты, к ней подошла стильно одетая особа.

– Добрый вечер, Алёна Сергеевна! Выслушайте меня, пожалуйста. Я у вас не займу много времени, пять минут, не больше, и не посчитайте меня умалишённой, – произнесла женщина.

Алёна Сергеевна сегодня была в добром расположении: как-никак пятница, впереди два дня отдыха. По этой причине она была готова оказать содействие в излечении кого-либо, посчитав, что именно с такой просьбой к ней и обращаются.

– Да, я вас слушаю, – промолвила Алёна Сергеевна.

– Сколько, вы думаете, мне лет? – задала дама неожиданный вопрос.

Заместитель министра, окинув взглядом собеседницу, вынесла свой вердикт:

– Тридцать – тридцать пять от силы.

– Не посчитайте меня сумасшедшей, мне сто пятьдесят семь лет. Вот мои доказательства.

Она достала из сумочки фотографии. На групповых фото были запечатлены: Григорий Распутин, Любовь Орлова, Марк Бернес, молодой Михаил Боярский, и везде присутствовала наша особа в одной поре, только в разных одеяниях.

– Я вас уверяю, эти снимки не сгенерированы искусственным интеллектом. Они подлинные, как и люди, изображённые на них.

– Чем я могу помочь? Вам надо на «РЕН ТВ», к Виктору Прокопенко, – произнесла заместитель министра.

– Вы меня не поняли. Я хочу, чтобы все люди, как и я, не болели и бесконечно долго жили.

Собеседница достала из сумочки паспорт и небольшого формата бумажку со словами:

– Вот мой паспорт, здесь мне пятьдесят семь лет. Когда меняла документ, в паспортном столе посчитали ошибкой мой настоящий возраст. Так сминусовали сто лет. Ещё справка от

психиатра о моём психическом здоровье. Вы спросите: как можно жить больше ста лет и оставаться абсолютно здоровым человеком? Мне известен целебный источник, который помогает от всех болезней и продлевает жизнь. Используя эту чудесную воду, готовлю травяной чай, я его называю «эликсиром вечной молодости и здоровья». Вот то самое средство и мой номер сотового телефона. Если вас это заинтересует, я в вашем распоряжении.

Она передала Алёне Сергеевне бутылочку и записку с номером телефона. После чего сказала: «Не буду вас больше задерживать», – и удалилась. Заместитель министра бутылочку и записку положила в брендовую сумочку и решила: с этой минуты до утра понедельника никаких мыслей о работе.

Алёна Сергеевна два дня выходных о работе не вспоминала. А вот о даме, с которой накануне состоялся разговор, она непрерывно думала. Считая себя женщиной умной, разложив всё по полочкам, Алёна Сергеевна решила, что собеседнице пятьдесят семь лет. Это соответствовало паспорту. А вот сто лет приписано по причине помешательства. Помешательство связано с омоложением. Она, как заместитель министра здравоохранения, была в курсе таких фактов. После пластики пациентки часто объявляли себя моложе на двадцать, тридцать и более лет. Даже был такой случай: одна семидесятилетняя женщина, неоднократно побывав в руках пластических хирургов, после этого утверждала, что она шестнадцатилетняя девочка. Но чтобы кто-то приписал себе годы, она ещё не слышала. Алёна Сергеевна сей факт отнесла на счёт сильного эмоционального потрясения омоложившейся. А цену справке от психиатра, будучи заместителем министра здравоохранения, она хорошо знала.

При оценке возраста собеседницы Алёна Сергеевна ориентировалась на высказывание Коко Шанель: «Руки – визитная карточка женщины, шея – её паспорт». Руки и шея были тридцатилетней женщины. Теперь заместителя министра мучили вопросы. Что это было: лазерная терапия, инъекции, лифтинг? Или совершенно новые технологии? Подпольная лаборатория? Тогда кто? Или сделано было за границей? В любом случае это прорыв в области омоложения.

Утром в понедельник, собираясь на работу, Алёна Сергеевна достала из сумочки бутылёк «эликсира вечной молодости и здоровья». Внимательно осмотрела бутылёк. «Оригинальная стекляшка», – вслух произнесла заместитель министра. «Настя будет довольна», – подумала она. Настя – это её секретарь. У неё было увлечение – собирать пустые старинные и экзотические стеклянные бутылочки. Коллекцию держала на даче, в гараже, расставив экспонаты на полках вдоль стен. Ассортимент регулярно пополнялся. Многие в министерстве коллекционировали бутылки с дорогими спиртными напитками. Настя не могла себе позволить такое затратное увлечение, но, чтобы быть в тренде, собирала пустую тару. Коллекционеры вин и крепких напитков часто прибегали к деакцессии, то есть изымали экспонаты. Пустые бутылки приносили Насте, так в основном пополнялась её коллекция.

У Алёны Сергеевны не поднялась рука вылить «эликсир» в раковину. Ничего лучше не найдя, она перелила содержимое в бутылку из-под виски, которое было выпито накануне. Взяла фломастер, хотела написать «Средство от тараканов», а вывела аккуратным почерком: «Лекарство для женщин». За объяснением сего действия – к Зигмунду Фрейду. Муж, вечером придя с работы, наткнувшись на «Лекарство для женщин», произнёс: «Шутница. И мужикам не повредит». Налил себе для улучшения аппетита. Выпив, подумал: «Появились новые оттенки». Ограничился одним бокалом.

Алёну Сергеевну супруг встречал около порога, широко раздвинув руки, со словами:

- Пошалим?
- Что с тобой?
- Жду тебя с нетерпением.

После четвёртой шалости по счёту измождённая Алёна Сергеевна тихим голосом спросила:

- Дорогой, не частишь?

– Что-то нахлынуло, – ответил супруг и продолжил: – А ты у меня шутница! Написала на виски «Лекарство для женщин».

– Ты пил из этой бутылки? – насторожённо спросила Алёна Сергеевна.

– Да, – утвердительно произнёс супруг и добавил ещё своих впечатлений: – Ощутил новые оттенки, появился специфический вкус.

Заместитель министра здравоохранения задумалась, на следующий день мысли укрепились после того, как утром любимый задал вопрос:

– Алёна, ты мне красящий шампунь купила?

– Что произошло?

– У меня седина исчезла.

Алёна Сергеевна, чтобы не прослыть душевнобольной, информацию на работе решила выдавать дозированно. Для начала министру доложила: мол, идёт апробирование средства, повышающего иммунитет, сейчас вышли на этап доклинических исследований. Тем временем дала команду провести физико-химический анализ принесённой ею жидкости и начать эксперимент с плодовыми мушками, смачивая их пищу этим же раствором.

Через два месяца после описываемых выше событий министр здравоохранения собрал у себя очень узкий круг людей. А именно – только двух своих замов.

– Коллеги, слухи ходят по министерству, могу их охарактеризовать как панические. Мол, скоро наше ведомство упразднят за его ненадобностью, – начал свою речь министр.

– То-то наш гинеколог на лыжи встал, собирается уходить, новое место работы нашёл. Медицину полностью оптимизировал. Теперь сокращением затрат в промышленности будет заниматься. У них этот процесс бережливым производством называется, – высказался Олег Евгеньевич, заместитель министра, отвечающий за здоровье молодёжи и спортсменов.

Провозгласив кредо в своей работе: «Молодой человек – значит спортсмен, спортсмен – значит человек ещё молодой», сам Олег Евгеньевич являлся мастером спорта по лыжам. Участь в медицинском, больше бегал, чем учился: зимой – на лыжах, а в межсезонье – кроссы за институт и общество «Буревестник». После окончания учёбы, поняв, что усвоил касаясь медицины только принцип врача «не навреди», из гуманитарных соображений подался в административные работники.

– Почему все Тучина гинекологом называют? – задала вопрос Алёна Сергеевна.

– Он по врачебной специализации гинеколог. После получения диплома в районной больнице две недели на приёме посидел. Потом сбежал. Чего такого увидел, чего испугался, не знаю. Тут в медицине оптимизация началась, он и прибил к этой теме. Но сегодня речь не об оптимизации в здравоохранении и тем более не о Тучине. Сегодня речь пойдёт о нашем с вами будущем. Алёна Сергеевна, доложите о результатах исследований нового препарата, – произнёс вступительную речь министр.

– Михаил Иванович, провели физико-химический анализ нового препарата под названием «Эликсир вечной молодости и здоровья». Раствор имеет щелочную среду, отрицательный потенциал, и в нём присутствует букет из трёх десятков трав. Ни одна испытуемая плодовая мушка за шестьдесят дней не погибла, хотя продолжительность жизни данных насекомых – не более пятидесяти дней.

– То есть плодовые мушки всем коллективом пережили отмеренный им природой срок? – задал вопрос министр.

– Да. Это так же, как испытуемая группа людей прожила бы сто двадцать пять лет и продолжала дальше жить, – ответила Алёна Сергеевна.

– Рассуждать о долголетьи – значит обрести репутацию жизнерадостного идиота. Не хотелось бы попасть в эту категорию людей. В природе ничего нет вечного. Даже звёзды зарождаются и гаснут. Кому-то отведено несколько дней существования, кому-то – миллионы лет. Во

все времена человечество мечтало о бессмертии. В Древнем Египте фараонов и состоятельных вельмож после смерти бальзамировали, чтобы умерший мог возродиться в загробной жизни.

– А в действительности оказались в различных музеях, как экспонаты в разделе «Древний Египет», – вставил свою мысль в разговор Олег Евгеньевич.

– За деньги египтяне поставили на поток экспорт мумий всем желающим. Их недавно разоблачили. Они, оказывается, раскапывают захоронения до нашего века, извлекают кости умерших, имитируют бальзамирование и продают данную стилизацию под памятники древности, – Алёна Сергеевна также была в теме по этому вопросу.

– Есть спрос и деньги – будет и предложение. Несколько примеров честного отъёма денег у доверчивых граждан. Сейчас вместо бальзамирования используют жидкий азот, с его помощью замораживают проплаченные тела умерших. Мысль следующая: пациент при дальнейшем развитии медицины будет реанимирован. Всем нам известен профессор Преображенский из булгаковского «Собачьего сердца». Списан этот образ с реального человека – Самуила Воронова. Мировую известность этот врач получил, зарабатывая деньги примерно так же, как и Филипп Филиппович. Воронов пришёл к выводу, что залогом молодости являются половые железы. А значит, активность и бодрость реально искусственно продлить, пересадив пожилым мужчинам железы молодых обезьян. Правда, эффект от пересадки был непродолжительным, до двух лет. Когда наука шагнула вперёд, учёные поняли, что содержащееся в яичниках животных вещество – это тестостерон. Отсюда и столь быстротечный эффект. Научное сообщество потеряло интерес к Воронову, а в восьмидесятых годах его и вовсе обвинили в занесении вируса СПИДа человеку. Но было это уже через много лет после того, как учёного не стало. Не только простые обыватели попадались на замануху вечной жизни. На заре советской власти сам Сталин распорядился основать лабораторию под названием «Андроген», где учёные пытались создать или даже создали лекарство, продлевающее жизнь и приостанавливающее действие болезней. Как мы знаем, Иосифа Виссарионовича не стало в тысяча девятьсот пятьдесят третьем году. Очевидно, созданная микстура от всех болезней оказалась не так действенна, как предполагалось. Сталин в одну корзину яйца не складывал. В это же время был организован Институт переливания крови, во главе поставили Александра Богданова, писателя-фантаста, врача, идеолога социализма. Он свято верил в омолаживающий эффект переливания крови, в котором донором должен выступать молодой человек. Такие эксперименты он проводил на себе. Когда идея бессмертия уже казалась такой близкой, Богданов внезапно скончался. Умер он во время переливания крови. В двадцатые годы ещё не знали о существовании четырёх групп крови, что несоответствие групп донора и пациента может привести к летальному исходу последнего. Когда доложили Иосифу Виссарионовичу о смерти Богданова, он разочарованно произнёс: «Обманул, подлец!» Разумеется, «игра наперегонки» со старением и болезнями – недешёвое удовольствие. Сегодня культ молодости настолько силён, что люди готовы тратить космические суммы ради того, чтобы в шестьдесят лет выглядеть на тридцать. И не всегда это бывает удачно. Тому пример со стволовыми клетками. Как говорил уже наш современник, «хотели как лучше, а получилось как всегда». Клетки не так стали делиться. Итог – онкология. Допустим, всё вышеперечисленное – не наш случай. Мы на пороге грандиозного открытия. Но меня бессмертие не радует. В отсутствие временного ограничения нашего существования у многих людей исчезнут стимулы развиваться: какой смысл спешить, если впереди вечность? Несменяемость руководства на всех этажах власти. Евгений Олегович, ты же хочешь быть министром или даже подняться выше? – задал вопрос Михаил Иванович своему заместителю. Не дав тому ничего сказать, продолжил: – Должен хотеть. Это нормально. Регулярно нужна свежая кровь в буквальном и переносном смысле. У меня сейчас многое стёрлось из памяти. Допустим, мне будет двести лет, я не вспомню, что со мною было первые сто лет. Но привычки и убеждения останутся из первой сотни прожитых годов. Получим общество старых маразматиков в молодом теле. Если люди будут бессмертны, зачем врачи? Зачем наше

министерство? Зачем выпускать разные лекарства, кроме нашего «Эликсира вечной молодости и здоровья»? Зачем Пенсионный фонд? Ещё много вопросов может возникнуть. Нам, здесь сидящим, ничего не понятно, а слухи поползли по министерству. Люди домысливают. Что будем делать? – скомкав концовку, оборвал вопросом свою речь министр.

– Если с вечной жизнью не получается, тогда эту «живую воду» надо использовать на благо нашего спорта. Её в небулайзер – и норвежские астматики далеко позади останутся, – высказался Евгений Олегович.

– Я предлагаю наш раствор добавить в крем и запустить в продажу как омолаживающее средство. Этикетку поменяли – и чем не интимный гель для мужчин? – своё видение употребления данного препарата озвучила Алёна Сергеевна.

– Эта жидкость подойдёт для глазных капель и как средство от облысения, – министр тоже имел виды на этот эликсир. Михаил Иванович продолжил: – Вы, может, новости не смотрите, а я смотрю. Тут по телевизору указания получил, чтобы продолжительность жизни увеличилась до ста пятидесяти лет. Вот думаю: не произошла ли утечка от нас наверх?

Тем временем в другом ведомстве тоже шло совещание.

– Что мы имеем? – задал вопрос солидный мужчина в хорошем костюме, белой рубашке, при галстуке.

Все присутствующие выглядели аналогично: солидные дяденьки. Но начавший совещание был самым серьёзным мужчиной.

– Министерство здравоохранения уже очень далеко зашло в своих исследованиях. Настало время вмешаться, иначе процесс выплеснется из стен Минздрава. Необходимо срочно засекретить эти работы, – ответил один из присутствующих, которому по его функционалу приписывалось отвечать, если «главный» обращался не к конкретному человеку.

– По женщине, предложившей эликсир, какая информация? – задал вопрос «главный».

– При рождении она Марфа Поликарповна Брянская, ныне Мария Павловна Бессмертнова. Родилась где-то в тысяча семьсот пятнадцатом – семнадцатом годах в Бикатунской крепости, ныне город Бийск, в семье священника.

– То есть ей больше ста пятидесяти семи лет?

– Да.

– Женщина есть женщина. Всегда уменьшит свой возраст, – произнёс самый серьёзный мужчина и задал следующий вопрос: – Как тогда она до сих пор не попала в поле зрения нашего ведомства?

– В тридцатые годы она была в разработке. Потом куратора арестовали как английского и одновременно немецкого шпиона, и её следы потерялись. Она сменила место жительства и до сих пор постоянно переезжает. Эликсир – это источник в труднодоступном уголке Алтая. Источник взят нами под наблюдение. Жрецы местных племён издревле применяли эту воду, только для излечения и в основном для детей. Строго было запрещено её использовать для бессмертия людей. Действовали определённые табу. В тридцатые годы Марфа Поликарповна с помощью куратора избавилась от всех, кто знал место расположения источника. Потом она написала донос на куратора, так избавилась от последнего свидетеля.

– Почему по прошествии стольких лет она решила поделиться своей тайной?

– Наши психологи склоняются к версии мести. Не очень ей уютно быть бессмертной. Как говорил один киногоерой, «сыта по самые гланды». Хочет наказать всё человечество.

– Надоело ей жить. Там поблизости Телецкое озеро есть, водоём глубокий. Взяла лодку, отплыла от берега. Верёвку с камнем на шею и концы в воду.

– Собственными руками прервать свою жизнь, даже если жизнь в тягость, – не каждый способен на такой поступок.

– Это не может быть провокацией? Одна спецслужба уже пыталась на теме бессмертия привести на пост президента США своего человека, Золтана Иштвана, с целью тотального кон-

троля над обществом. Он обещал своим избирателям вечную жизнь с помощью технологии записи человеческого сознания в облачные хранилища, редактирования генов, замены органов свежими, выращенными из собственных клеток, встраивания в тело чипов для исцеления. Приобрели бы люди бессмертие с помощью таких инноваций – вопрос дискуссионный, а вот мысли граждан и, следовательно, дальнейшие их поступки организаторы смогли бы полностью контролировать. Избиратели не купились.

– Изучаем эту ситуацию.

– Что нам доложат аналитики? – задал очередной вопрос «главный».

– С помощью искусственного интеллекта мы смоделировали ситуацию. Допустили, что люди стали бессмертными две тысячи лет назад. Получили парадоксальный результат. Никакого технического прогресса, полный застой в развитии. Нет ожидаемого переселения планеты. Рождающихся, боясь конкуренции и в отсутствие стимула продолжения рода, умертвляют. Люди превратились в общество бесчеловечных, жестоких злодеев.

– Так круто?

– Да.

– Ошибки не может быть?

– Промоделировали ситуации с помощью разных программ. Результат одинаков.

– Хочется услышать мнение отдела, ответственного за работу с религиозными организациями.

– Мы знаем историю Агасфера. Он отказал Христу отдохнуть около своего дома, когда тот шёл с крестом на Голгофу. Христос прислонился к стене его дома. Агасфер воспротивился и сказал: «Иди, на обратном пути отдохнёшь». То есть, говоря современным языком, протроллил. Христос не остался в долгу, он ответил: «Я пойду, но ты будешь меня ждать». С этих пор Агасфер скитается по свету. Как утверждают различные источники, его в разные времена видели в Европе, в Азии и даже в царской России. Эти же источники утверждают, что он мучается содеянным.

– У нас были контакты?

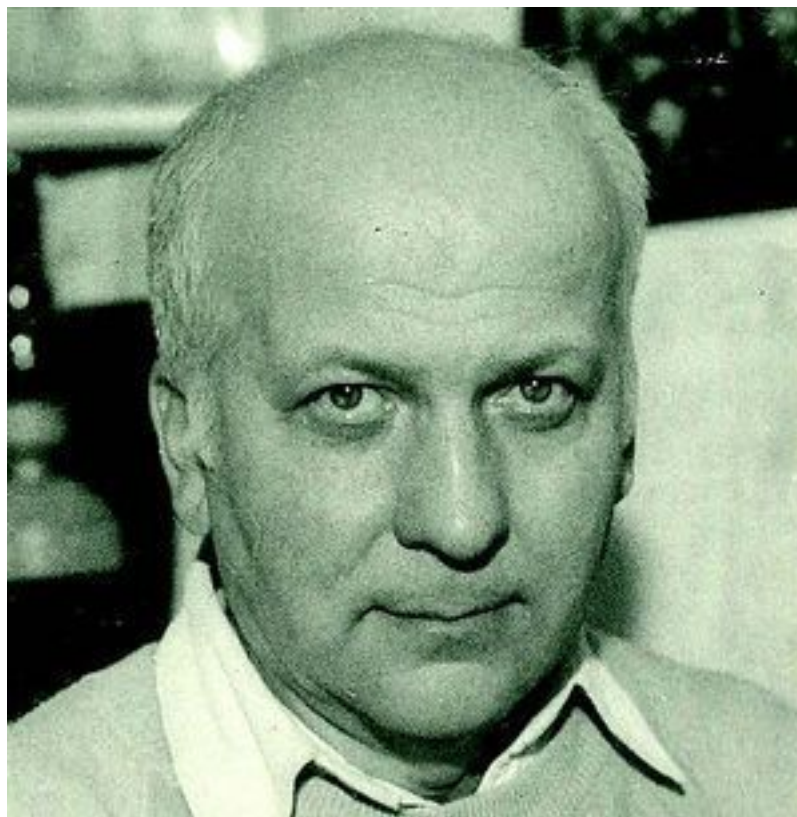
– У нас – нет. У коллег в семидесятые годы были. Информация противоречивая. В тридцатые годы наш сотрудник на территории Бурятии имел контакт с неким Пиндолой, которого Будда за заносчивость приговорил к бессмертию, заявив: «Ты не попадёшь в нирвану, пока существует мой закон».

– И что дальше?

– Сотрудника, имевшего контакт, арестовали за связь с японскими милитаристами.

– Подводим итог. Все материалы, касающиеся «Эликсира вечной молодости и здоровья», засекречиваем. Эту тему у Минздрава забираем. Кто уверовал в реальность вечной жизни, дискредитируем, – вынес свой вердикт самый серьёзный мужчина.

Владимир Демьянович Василенко

Родился в 1942 году в Иркутске.

Окончил Высшие курсы сценаристов и режиссёров при Госкино СССР в Москве. По окончании работал режиссёром на Дальневосточной студии кинохроники в Хабаровске, на студии телевидения в Нижнем Новгороде, в телекинокомпании «Велес».

Снял по своим сценариям более восьмидесяти фильмов. Член Союза кинематографистов России, лауреат и призёр всесоюзных, всероссийских и международных кинофестивалей. Лауреат Национальной премии за сериал об амурском тигре.

Член Союза писателей России. Лауреат международного литературного конкурса им. А. Платонова «Умное сердце».

Ушёл из жизни в феврале 2026 года.

Чей конь заржёт первым (повесть, часть II)

Был у Дария конюх, сметливый парень по имени Эбар. Этому человеку Дарий сказал: «Чей конь первым заржёт при восходе солнца, тот и будет царём. Сделай так, чтобы я получил царский престол».
Геродот. «История»

11

Вернувшись из далёкой Бактрии в Экбатану, столицу Мидии, Виштаспа стал её сатрапом. Его старший сын Дараявуаш давно вырос, возмужал, отрастил пышную бороду и вступил в законный брак, удачно женившись на дочери знатного персиянина – Статире. У них родился первенец, названный Артобазаном.

Сам же Виштаспа, возраст которого неумолимо приближался к полувеку, большую часть которого он участвовал в походах и делах покойного Куруша, ныне, наблюдая странные поступки своего самонадеянного сына, частенько хмурился и тяжело вздыхал. Дараявуаш, тонко чувствуя натуру отца, как бы невзначай временами заводил осторожный разговор:

– Скажи, дорогой отец, почему Великий Куруш беспрестанно воевал?..

Виштаспа с ответом не спешил.

– И зачем он в конце жизни пошёл на массагетов?.. Что они ему сделали?..

Отец слегка улыбнулся:

– А ничего другого ему не оставалось...

– Это почему? – сын и вправду не понимал.

– Война была его ненасытной, желанной долей... Он жил в ней, как косточка в финике... – Виштаспа помедлил, отдавшись воспоминаниям. – Одержав первую победу над мидийцами, он ощутил её вкус и запах... И не мог забыть, не мог променять их ни на какие сокровища!.. Так уж случилось...

Двадцатипятилетний сын тоже успел поучаствовать в жарких стычках с дикими лесными племенами, живущими по берегам неукротимого Инда, не понаслышке зная, что такое война. Однако никак не мог взять в толк, зачем нужно с кем-то беспрерывно враждовать.

– А наш новый царь Камбуджия?.. – прозвучал неожиданный вопрос.

– Камбуджия – сын своего отца, – твёрдо бросил Виштаспа и тут же признал: – Только удача, скорее всего, не передаётся по наследству...

Они сидели во дворце бывшего царя Мидии Иштувегу, свергнутого почти тридцать лет назад. Когда-то пышные, прихотливо изукрашенные хоромы заметно обветшали, утратив бывшее величие и блеск, превратившись в их унылое, жалкое подобие. Обманом захватив Экбатану и сослав её властителя, напористый перс вовсе не думал сохранять чужую красоту и величие. Ему были нужны лишь покорённые земли и народы. Чем больше, тем желанней...

– Как-то я спросил Куруша, – после долгой паузы сказал Виштаспа, – зачем он взял в жёны дочь мидийского царя...

– И что он тебе ответил?..

Пожилой вельможа недоумённо пожал плечами:

– Пусть все соседи думают, что Иштувегу сам отдал ему трон, выдав за него свою дочь. Как более достойному...

Сын вдруг спросил:

– А Камбуджия, завоевав Египет, разве взял в жёны дочку фараона?..

Пожилой сатрап горько усмехнулся:

– Камбуджия думает, что он выше этого!.. И сам провозгласил себя владыкой Египта, назвавшись сыном их главного бога Ра...

– И египтяне это признали? – Дараявуаш, похоже, сомневался.

– Их никто не спрашивал... – Виштаспа немного помолчал, потом спокойно рассудил: – Покойный Куруш, смело взяв Вавилон, поставил его, ещё юношу, царём над покорённой страной... И теперь для него нет ничего невозможного, ведь он законный наследник великого отца!.. Ему всё нипочём!..

– А Бардия? – вставил сын.

– Бардия слишком молод...

– Но он внук Иштувегу! – не согласился Дараявуаш.

Пожилой вельможа ещё раз окинул взглядом обветшалые покои, в которых они сидели, вздохнул и негромко ответил:

– Когда я впервые оказался здесь, в Экбатане, ко мне пришёл удивительный старик, которого звали...

– Заратуштра? – подхватил Дараявуаш.

Отец кивнул:

– Да, он... – и неожиданно громко хлопнул в ладоши.

Появился, низко кланяясь, молодой евнух.

– Принеси-ка мне священные свитки, – распорядился хозяин.

Евнух ушёл, а Дараявуаш вспомнил:

– Это те свитки, которые передал тебе когда-то сын Заратуштры?..

– Да, но они были записаны на воловьих шкурах, а я велел перенести их на пергамент... – пояснил отец.

Вошли уже трое евнухов, бережно неся в руках кожаные круглые футляры, как по команде замерев возле высокого трона повелителя. Виштаспа взял один из принесённых футляров, осторожно извлёк хрустящий плотный рулон, с обожанием развернул его и вдохновенно прочёл:

– «Я вознесу свою душу к небесам чистой мыслью, и, зная о благословенной награде, которой Всемогущий Ахура щедро одарит за добрые деяния, я научу людей бороться за истину и следовать праведности!...»

В зале воцарилась тишина. Даже евнухи, покорно державшие драгоценные футляры, благоговейно замерли, словно обратившись в изваяния. Виштаспа обратился к сыну:

– Я прожил довольно долгую и нелёгкую жизнь, следуя заветам предков и подчиняясь воле Великого Куруша... – он сокрушённо качнул головой, – но, читая эти вдохновенные писмена, понял, что шёл неверным путём...

– А что такое верный путь? – негромко полюбопытствовал Дараявуаш.

– Верный путь? – Виштаспа не задумываясь ответил: – Это значит хранить в себе добрые мысли, произносить добрые слова и делать добрые дела!..

Сын позволил себе усомниться:

– Разве Куруш этому не следовал?..

Виштаспа ждал этого вопроса.

– Думаю, что нет... – Он горько усмехнулся. – За это и поплатился жизнью! Ахура-Мазда покарал его. Теперь судьбу его повторяет Камбуджия...

– Но у него есть второй сын, Бардия...

– Бардия ещё молод, – повторил пожилой сатрап, – у него слишком мало шансов повлиять на чьи-то судьбы...

– Но он занял твоё место в Бактрии! Теперь в его власти целая провинция... – не согласился Дараявуаш.

Отец вздохнул:

– Кто знает, почему Камбуджия его туда отправил. Явно не затем, чтобы заботливо беречь и лелеять...

В хоромах вновь воцарилась тишина...

12

– И ты приказал сжечь его? Обратить в жалкий пепел?! – ужаснулся Гаумата.

– А что прикажешь делать? – старший брат пытался поставить младшего на своё место. – Ведь хуже проказы нет ничего на свете! Тебе ли этого не знать? – убеждённо воскликнул он. – Может, ты хотел, чтобы здесь все передохли?!

Гаумата этого не хотел, но то, что случилось, потрясло его.

– И как нам теперь жить?! Что подумают люди?..

Патизиф пристально взглянул на него:

– Бактрийцы не должны об этом знать... ни одна живая душа!..

Младший брат недоумённо пожал плечами:

– А кто будет нами править?.. Ведь Бардия был сатрапом...

Старший брат немного помолчал, потом обдуманно ответил:

– Править станешь ты...

– Я?! – Гаумата не верил своим искалеченным ушам. – Да как можно?! – он не находил слов.

Патизиф снисходительно усмехнулся:

– погоди. послушай... – В его глазах мелькнул хитрый ускользающий огонёк. – Давай говорить откровенно... – Он сделал значительную, весомую паузу. – Кто правил этой провинцией до сего дня? Ты помнишь?

– Ты, – почти незамедлительно ответил Гаумата.

– Ну вот... – старший брат довольно улыбнулся, – значит, всё пойдёт по-старому... как было всегда...

– А как же... – калека растерялся.

– Как ты? – подхватил брат.

Гаумата молча кивнул.

– Ты будешь жить во дворце, в палатах... – интриган слегка запнулся, – покойного... – Он вздохнул. – Только никому не будешь показываться на глаза. Ни единой живой душе...

В зале воцарилась тишина. Патизиф понимал, что все слова, сказанные им, тяжело повлияли на младшего брата. Хотя даже внешне в жизни бедного калеки почти ничего не изменится. Из-за своего неожиданного уродства Гаумата и без того горько, мучительно страдал. И вряд ли следовало говорить ему о том, что он не должен появляться на людях. Увечный юноша и так всячески избегал любого постороннего взгляда. Но Патизиф чувствовал, что недавнее признание и будущие обоюдные действия желательно надёжней подкрепить.

– Камбуджия взял Египет, подчинил Карфаген, Сирию и отправился воевать с эфиопами... – буднично пояснил он.

– Зачем ему это? – равнодушно спросил младший брат, погружённый в свои тревожные, безрадостные думы.

Патизиф внимательно взглянул на него.

– Он достойный наследник своего отца!.. – Старший брат усмехнулся. – Почему Великий Куруш без усталости воевал?.. Подчинив нашу с тобой Мидию, он на этом не успокоился, верно?..

Гаумата тихо кивнул.

– Потом захватил ещё с десяток стран и даже Вавилон!.. – Тут Патизиф неожиданно прибавил: – Ты помнишь, как тебя изувечили? Это случилось после его возвращения оттуда...

Юноша отрешённо качнул головой.

– А за что?! В чём твоя вина?.. – в голосе брата звучали горечь и злость. – Персидскому владыке не хотелось лишней мороки! Зачем ему ломать голову при виде какого-то мальчишки-мага!..

Говоря всё это, вельможа зорко следил за настроением младшего брата. Поначалу расстроенный и равнодушный, тот становился всё собранней и строже. Патизиф горько усмехнулся:

– Между прочим, ты сам всё это подстроил... своим упрямством...

– Я подстроил? Как?! – недоумённо воскликнул калека.

– Так, – брат сокрушённо вздохнул, – ты назвал своё имя. Помнишь?..

Гаумата потрясённо смотрел на него. Он ничего не понимал.

Старший брат без обиняков пояснил:

– Вы с Бардией были настолько похожи – родная мать вас не различала, а уж отец – тем более... – Он собрался с мыслями. – И как знать, могло так случиться, что ты бы вдруг занял его место! – Интриган скупно улыбнулся.

– А Бардия лишился бы ушей? – неожиданно предположил калека.

– Ну почему? – не согласился Патизиф, немного подумал и признал: – Хотя кто знает!.. Ведь всё случалось лишь по воле Великого Куруша. Никто не смел ему перечить!.. – Он с жалостью и лаской взглянул на несчастного брата. – Если бы ты тогда промолчал...

Сколь бы несбыточными ни казались мечты, высказанные мидийским вельможей, предаться им было весьма соблазнительно. Даже бедный Гаумата, несмотря на внутренний протест, всё-таки не смог удержаться:

– Ты думаешь, со мной ничего бы не случилось? – Он намекал на своё обезображенное лицо.

– Конечно! – Старший брат широко улыбнулся. – Тебя носили бы на руках! – Он лукаво подмигнул. – И ты стал бы наследником Великого Куруша!

– А Бардия? – не отступал юноша. – Его бы изувечили вместо меня?..

Патизиф сердито нахмурил брови:

– Ну почему? – он попытался найти отговорку. – Тебя отвели бы в царские покои, а его бы попросту забыли! И никто не стал бы вспоминать о вашем поразительном сходстве, уж поверь мне...

Эти доводы казались убедительными, и калека готов был с ними согласиться. Ведь, в самом деле, кому пришлось бы в голову доносить самому царю, что у его младшего сына есть двойник? Доносчика могли в чём-то заподозрить.

– Ты пойми, – убеждал старший брат, – если бы не оплошность главного евнуха и не твоё упрямство, Куруш не стал бы поднимать шум... – Он развёл руками. – И евнух мигом лишился головы, а ты... – Последовал красноречивый вздох.

Гаумата поморщился:

– Но могли бы отрезать одно ухо, а не...

– Оба? – подхватил брат и махнул рукой. – Куруш показал это одним лёгким жестом, а визирь явно перестарался и приказал лекарю убрать на всякий случай сразу два...

Бедный юноша уныло опустил голову. Бесчеловечная, зверская прихоть не только чудовищно обезобразила его лицо, она навсегда лишила жертву желанного будущего. Кто из близких станет радоваться и восхищаться им? Разве найдётся какая-нибудь, пусть даже не слишком юная и не очень красивая, женщина, которая решится обнять и приласкать жалкого уроды?! Стоит ли жить ему дальше?..

Патизиф, пристально следя за братом, всё больше убеждался, что тот готов подчиниться ему во всём. Обида, гнев и желание мести подмяли в бедном юноше все другие чувства. И тогда старший брат неожиданно признался:

– Я убрал его по приказу Камбуджи...

Гаумата непонимающе и потрясённо уставился на него:

– Ты убил Бардию?!

– Тш-ш-ш... – Патизиф приложил палец к губам. – Он так приказал...

– А проказа? – не верил калека.

Интриган пожал плечами:

– Пришлось её выдумать... – Он сокрушённо вздохнул. – Если бы я послушался приказа... – Патизиф взглянул брату в лицо, – тогда Камбуджия убрал бы нас вместе с ним! Как тебе всё это?..

Калека подавленно молчал.

– Но запомни, – вкрадчивым, не терпящим малейшего возражения голосом повторил старший брат.

13

Решив идти войной на Карфаген, Камбуджия стал готовить к походу весь флот. Только все суда были финикийскими: у персов своих кораблей не имелось, они слыли народом сухопутным. А финикийцы издавна считались «детьми моря». Но вот беда, жители Карфагена гордились прямым родством с ними, и мореходы напрямик заявили персидскому царю, что не станут воевать с единоплеменниками. Как бы ни был разгневан и зол Камбуджия, но настраивать против себя команды несговорчивых союзников не посмел – они ему ещё могут пригодиться.

Теперь оставалось одно – идти войной на далёкий юг, в земли неведомых, таинственных эфиопов. Но куда и как? Желательно бы иметь хоть какие-то нужные, полезные сведения о тех загадочных краях и людях, их населяющих. Поднявшись вверх по Нилу, в неделю пути от мрачной Нубийской пустыни, Камбуджия приказал найти среди местных жителей тех, кто знал эфиопский язык и посещал их земли.

К нему привели нескольких рыбаков, бывавших в тех краях. И то, что он услышал, насторожило главу персов, но не поломало его дерзких планов. В те достославные времена люди не отделяли правду от вымысла, истину – от безудержной, безграничной фантазии. Каждый нёс то, что приходило ему в голову, будь он даже весьма уважаемым человеком...

Бывалые рыбаки (Геродот почему-то звал их «ихтиофагами» – рыбоедами) поведали царю, что эфиопы едят только мясо (правда, варёное), пьют одно молоко и живут (все как один) не менее ста двадцати лет, а многие даже больше! И главу племени выбирают себе самого мощного и высокорослого, равного которому едва ли найдёшь среди всех живущих на земле людей! (Но кто же не знает рыбацких «баек»?)

И самое главное – дорога к ним столь трудна и опасна, что едва ли хватит сил и терпения её преодолеть. Камбуджия пораздумал и решил направить к эфиопам гонцов, тех самых «рыбоедов», для начала снабдив их подарками: роскошным пурпурным плащом для главы племени, массивным золотым ожерельем и такими же браслетами на его могучие запястья, алебастровым сосудом с благовонным маслом и кувшином финикийского вина...

Посланцы не мешкая отправились в нелёгкое и опасное путешествие. Достигнув устья реки Атбары, впадавшей в благодатный Нил, они приплыли к её истокам и затем поднялись на Абиссинское нагорье. Именно там обитали эфиопы-долгожители.

Добившись приёма у самого властителя, который и вправду перерос своих соплеменников на целую голову, они сказали ему:

– Владыка персов Камбуджия желает быть твоим другом и нас отправил для переговоров. Он посылает тебе дары, которыми сам любит наслаждаться...

И сразу же вручили главе загадочных африканцев пурпурный плащ, ожерелье, браслеты, мирру и вино. Но темнокожий гигант оказался не только могучим, но и весьма прозорливым властителем.

– Вы, скорее всего, лазутчики! – тут же ответил он. – И явились сюда, чтобы всё высмотреть и вынюхать!

Развернув шикарный плащ, он презрительно потряс его в широченных ладонях, изнутри разительно светлых, и брезгливо отбросил. Потом взял толстое ожерелье и золотые браслеты, повертел, хмыкнул и сердито спросил:

– Это что? Ваш царь хочет меня в них заковать?

– Нет, – ответили послы, – Камбуджия дарит их тебе.

– Мне смешны такие подарки! – великан небрежно кинул всё себе под ноги.

Затем пришёл черёд мирры – благовонного масла. Главный эфиоп брезгливо понюхал его и сказал:

– В наших родниках вода пахнет приятней...

Зато вино ему понравилось. Богатырь сделал три внушительных глотка и заметил:

– Вино у вашего царя лучше моего! Я готов это признать...

Посланцы не ведали, что и думать. Особенно после того, как эфиопский царь показал им темницы, в которых отбывали срок местные преступники. Все отпетые негодяи были закованы в золотые цепи. (Это сообщает Геродот.) Можно ли ему верить? Можно, но с некоторыми оговорками. На Абиссинском нагорье издавна существовали копи, где добывали драгоценный металл. Во всяком случае, египетские фараоны только там получали золото...

Мог ли эфиопский владыка устроить своеобразное «шоу», чтобы поразить подозрительных пришельцев? Вероятно, мог. Всё остальное на совести «отца истории». Но чудеса на этом не кончались. Темнокожий верзила приказал вынести свой боевой лук. Он тоже оказался гигантским. Ослабив на нём тетиву, глава эфиопов сказал:

– Если царь персов сумеет натянуть её и хотя бы разок выстрелить, то пусть идёт на нас войной! В добрый путь!

На том аудиенция и окончилась. Горе-рыбаки возвратились и всё передали властителю персов. Камбуджия разгневался, однако не отважился испытать эфиопский лук, зато решил отправиться в поход немедленно, даже не собрав необходимого количества съестных припасов и воды. Былой переход через Синайскую пустыню и помощь арабов сыграли с ним злую шутку – в Нубийской пустыне подобных доброхотов не встречалось.

Большая часть войска двигалась на лошадях и верблюдах, которых нужно было время от времени кормить. Обилием же растительности африканская пустыня похвастать, конечно, не могла. И запасами воды – тоже. Хуже того, армия выступила в поход в самую жаркую и засушливую пору. Через три-четыре дня пути пришлось резать обессиленных коней. Ещё пару дней спустя наступил черёд остальных, и затем пошли под нож верблюды...

Персидский царь не на шутку встревожился. Ни о каком победоносном походе не могло быть и речи! Безжалостное, слепящее африканское солнце стояло прямо над головой, нестерпимо раскаляя всё вокруг: землю, камни, песок и сам воздух... Им становилось нестерпимо трудно дышать. Начались помешательства и смертоубийства...

Недолго думая, Камбуджия отдал приказ остаткам войска возвращаться назад, к берегам спасительного Нила. И сам первым направился туда. А в поредевшей армии уже в открытую свирепствовало людоедство...

14

Слухи – пусть самые невероятные, интригующие, вздорные, ужасающие, нелепые, парализующие – всегда и во все времена питали человечество. В их чехарде и количестве зачастую бесследно утопает то небольшое, что могло бы объяснить суть происходящего и дать крохотную возможность хоть кому-то набраться сил и твёрдости духа, дабы пережить беду...

Весть о бесславном походе персидского царя и его позорном возвращении, вернее, бегстве в Египет мигом обросла самыми разноречивыми толками везде и всюду. В самом же Египте, в его столице Мемфисе, как ни странно, с уходом армии захватчиков жизнь вошла в прежнее русло. Даже простые египтяне, наверняка зная о непреодолимом могуществе зловещей Нубийской пустыни, радовались и надеялись, что персы все как один там бесследно сгинут...

А тут, как на грех, наступил канун самого весёлого праздника – торжество бога Аписа, то есть могучего, крепкого, в меру упитанного быка. И, как это происходило в течение столетий, был избран двойник бога, видом мало чем уступающий самому божеству, а возможно, и превосходящий его кое в чём...

Достигнув Мемфиса, Камбуджия сразу заметил в нём неожиданную перемену: празднично одетых жителей, их радостные, возбуждённые лица, смех, шутки, беспрестанную суету... Он тут же приказал властям города спешно явиться к нему во дворец...

И стоило главе столицы и его помощникам подняться в покои царя, как тот в гневе спросил:

– Почему никто не радовался, когда я впервые появился здесь? – Он едва сдерживал себя. – Зато теперь, когда в городе меньше половины моей армии, вы поёте и пляшете! Чему вы радуетесь?!

– Милостивый царь, – ответил градоначальник, – мы просто радуемся нашему дорогому Апису...

– Кому вы радуетесь? – насторожился Камбуджия. – Кто этот Апис?

– Это наше любимое божество. Бог-бык...

– Как? – не поверил своим ушам царь. – Вы почитаете самца коровы?!

– Нет, – упорствовал глава, – одного из наших небесных покровителей. У нас, к счастью, появилось его земное воплощение...

Камбуджия покачал головой:

– В самом деле? Тогда приведите его ко мне!

Городские власти не посмели ослушаться. Во двор перед дворцом пришли с полсотни жрецов и привела большого чёрного быка. Властитель спустился с высокого крыльца и остановился в пяти шагах от священнослужителей с их живым воплощением небожителя.

Грузный, внушительный Апис с тесным хомутом на шее и толстыми пеньковыми верёвками, привязанными к нему, – их крепко держали жрецы, – угрюмо наклонив большую рогатую голову, медленно вращал густо-синими бессмысленными зрачками. В них отражался и сам царь, только вверх ногами.

– Это ваш бог?! – издевательски воскликнул Камбуджия.

Жрецы согласно кивнули обритыми головами. Священное животное тоже качнуло внушительной башкой с развалистыми рогами и шумно втянуло воздух, явно не теряя присутствия духа.

– За что он удостоился такой чести? – не отступал царь.

Главный жрец указал на просторный плоский лоб быка, на чёрной шерсти которого вызывающе светился ярко-белый квадрат.

– И это всё? – удивился Камбуджия.

– Нет, – жрец кивнул на большое светлое пятно, распластанное по обширной спине животного, – это знак летящего орла...

Персидский царь пригляделся: пятно могло быть чем угодно. А жрец открыл пасть животного, насильно поднял ему язык и пояснил, что под ним есть чёткий отпечаток священного жука-скарабея, особо почитаемого каждым египтянином. У властителя пошла кругом голова.

– Хватит меня морочить! – взревел он. – Не думайте, что я поверю вашим сказкам, жалкие вы людишки! Вот вам!..

Он выхватил из ножен кинжал и подскочил к Апису. Хотел ударить его в живот, но бык отпрянул, и железо вонзилось ему в ляжку. Жрецы изо всех сил ухватились за верёвки. Телохранители обнажили мечи, окружив жрецов с их божеством, а Камбуджия гневно кричал:

– Что это за бог с плотью и кровью, пронзённый железом?! Я не позволю вам издеваться надо мной! Уберите эту тупую скотину!..

Из тела животного и вправду хлестала густая тёмно-красная струя... А бритоголовые, в жёлтых длинных хитонах жрецы заботливо суетились возле раненого божества, стараясь унять и приглушить его боль. Апис надсадно, душераздирающе ревел...

Камбуджия поднялся в свои покои, приказал казнить жрецов, а заодно и фараона Псамметиха III, которому он великодушно подарил жизнь. Тот якобы был виновен во всём произошедшем. И слухи о его беспримерной жестокости широко разлетелись по всему античному миру. Вначале они достигли Вавилона, потом загуляли в огромной Персидской державе...

Достигнув бывшей мидийской столицы Экбатаны, они посеяли смуту в головах жителей. Её сатрап Виштаспа, узнав о подвигах сына Куруша, о бесславном походе в Эфиопию и жестокой казни фараона, обеспокоенно размышлял:

– Великий Куруш тоже не уставал покорять другие племена, но всегда оставлял жизнь их вождям! И многие из них стали его верными помощниками... А что делает Камбуджия?

– Он безжалостно отрубает головы не только царям, их сыновьям и верным придворным... – подхватил Дараявуаш. – Говорят, что он обезглавил сотни жрецов и надругался над их богами и гробницами фараонов!

Виштаспа тяжело вздохнул:

– До меня дошли слухи, что он в припадке безумия жестоко избил свою младшую беременную жену. Она выкинула и умерла... (Умершая жена Роксана была его сестрой, дочерью Куруша.)

– А что с его братом Бардией? И нам как быть теперь? – настаивал сын.

Отец безнадежно махнул рукой. В Экбатане уже знали, что на Востоке, в далёкой Бактрии, наступило если не безначалие, то полный паралич власти персидских наместников. Младший брат царя – Бардия – всех персидских вельмож заменил мидийцами. Более того, в других областях началось что-то похожее...

Виштаспа с тревогой взглянул на сына и неожиданно произнёс:

– О мудрый Владыка! Даруй нам духовную силу и крепость, дабы мы могли одолеть ненависть врагов своих!..

15

На берега Инда уже давно пришла весна. Хотя для большинства жителей это особой роли не играло – просто закончилась засушливая, душная пора и в воздухе повеяло свежестью и прохладой. А в далёкой Бактрии, на границе с областью Гандхарой, которая так и не вошла в состав Персидской державы, появились лихие контрабандисты. Но приносили они с собой не съестные припасы, не пёстрые шкуры тигров и леопардов, а совсем иное. И старались продать это властям...

В начале месяца аймару (апрель) Патизиф пришёл в покои Гауматы, покорно исполнявшего роль покойного сатрапа Бардии, и сообщил ему:

– Ты знаешь, вскоре мы можем выехать отсюда...

– Выехать? – удивился калека. – А куда?

– Куда угодно... – Старший брат хитровато усмехнулся. – Можно в Спарту или в Македонию... – Он вынул из-за широкого пояса небольшой тяжёлый мешочек и высыпал на ладонь сверкающий жёлтый песок.

– Это золото? – удивился младший брат.

– Да, – признался Патизиф, – и у нас его будет столько, сколько захотим!

– Но откуда?

Вельможа загадочно улыбнулся:

– За рекой Инд есть большая пустыня...

И он поведал лже-Бардии, что в песках этой бескрайней пустыни живут особые «золотоносные» муравьи. Величиной они почти с собаку и роют себе норы глубоко-глубоко под землёй. Роют умело и старательно, выбрасывая наверх горы золотоносного песка. Индийцы собирают этот песок и продают...

Гаумата, конечно, этому верил. (И как не поверить, если даже Геродот в своей много-томной истории описал этих «муравьёв»?) Рассказывая, Патизиф медленно ссыпал в мешочек драгоценный груз.

– Индусы обещали поймать парочку этих муравьёв и продать мне... – Вельможа чуть улыбнулся.

– Они не кусаются? – беспокоился Гаумата.

Патизиф пожал плечами:

– Посмотрим. Если будут кусаться – убьём! Ведь нам нужно только золото... Мы спрячем его в бурдюки с водой, погрузим на верблюдов и отправимся куда захотим... – закончил он мечтательно.

Младший брат одобрительно качал головой. Хотя и не столь утомительна была роль, которую он взял на себя, она его всё-таки угнетала. Во что бы то ни стало ему хотелось от неё избавиться. А тут старший брат предлагает удачный выход!

– Когда мы можем ехать? – нетерпеливо спросил он.

– погоди. – Брат спрятал мешочек с золотом за пояс и вздохнул: – Камбуджия крепко застрял в Египте. Его там встретили волнениями и мятежами после позорного похода в Эфиопию. И в Вавилоне смута...

– А разве нам это мешает?

Патизиф не торопился с ответом. Ясного, продуманного плана у него не было, он всегда поступал, сообразуясь с обстоятельствами. А они менялись почти каждодневно, и посвящать в них младшего брата он не спешил. В зал, низко кланяясь, вошёл младший евнух:

– Высокий господин, вернулся гонец из Элама...

– Зови! – Вельможа даже поднялся с подушек и сделал знак брату, чтобы тот скрылся за занавесом. Гаумата сделал это. В зале появился поджарый, ловкий мидиец, склонился в пояском поклоне.

– Ну что там в Сузах? – сразу спросил его Патизиф.

– Высокий господин! – оgoroшил его посланец. – Наш царь скончался!..

– Камбуджия умер? Как?! Где? В Сузах? – вельможа не верил ушам.

– Нет, по дороге домой... в Дамаске...

– В Сирии? – Патизифу хотелось верить и не верилось. Чего-чего, а этого он никак не ожидал. И, несмотря на благостную весть, она казалась ему почти невероятной. Даже Гаумата громко засопел за своим занавесом. Но обоим хотелось подробностей.

– Его... – Патизиф сделал паузу, – убили?

– Он сам себя убил.

– Как?!

Гонец показал жестами:

– Царь сел на коня, а его меч выскользнул из ножен и вонзился ему в бедро. Распорол его почти до колена...

– И что?..

– Рану промыли и перевязали... – мидиец вздохнул, – но она загноилась, и царь...

Патизиф покачал головой. В том, что случилось с Камбуджией, ничего удивительного не было. От случайной раны погибали не только простые смертные, но и властители мира. И сколь желанной и спасительной ни казалась весть о кончине ненавистного царя, она нуждалась в подтверждении.

– Его схоронили? – настойчиво осведомился вельможа.

– Да, – подтвердил вестник, – тело царя предали огню там же, в Дамаске.

На лице Патизифа не читалось никаких чувств: ни радости, ни тревоги, ни сожаления. Он был озабочен одним – только бы смерть Камбуджии не обратилась коварной уловкой. А за этим дело не станет.

– И что творится в Сузах? Как ведёт себя гарем?

– В гареме траур... – вздохнул гонец. – Все жёны горько рыдают и рвут на себе одежды и даже волосы...

– И Атосса? (Это была старшая жена и сестра Камбуджии, дочь Великого Куруша.)

– Она причитала громче всех.

Патизиф сочувственно качнул головой:

– Ладно, ступай...

Вестник поклонился и вышел. Из-за занавеса появился Гаумата.

– Ты слышал?! – старший брат уже не скрывал воодушевления и восторга. – Наконец-то! Теперь мы сильны и свободны! Кто бы мог подумать!

– И можем уехать хоть сейчас? – с надеждой воскликнул младший брат.

– Уехать? Куда? – Патизиф вдруг посерьёзnel.

– Ну, в Спарту или Македонию. Ты же сам говорил...

– Нет, – старший брат сказал уверенно и твёрдо, – мы поедem в Сузы!

Гаумата оторопел:

– В Сузы? А почему туда?

– Там весь гарем... – Вельможа сделал паузу и чуть улыбнулся: – Теперь ты – законный царь, и жёны должны принадлежать тебе. Не забывай...

– Я – царь?! – ужаснулся Гаумата.

Патизиф кивнул:

– Да. Ты – младший сын Великого Куруша. Неужели ты забыл?

Лже-Бардия едва не потерял сознание...

16

Известие о неожиданной кончине царя пришло в Экбатану раньше, чем в Бактрию. И пожилой сатрап Виштаспа не знал, верить ли ему. В том, что резкий и вспыльчивый Камбуджия мог вести себя непредсказуемо, он не сомневался. Но нанести себе смертельную рану?.. А если всё-таки нанёс, то почему её как следует не промыли? Не приложили целебные мази и травы? Где были искусные лекари и заклинатели?..

Иногда приходила коварная мысль: а вдруг властителя попросту убрали? Собралась кучка заговорщиков, и кто-то ударом меча смертельно ранил сына Великого Куруша. При всём почтении к верховной власти Виштаспа не мог лгать самому себе. Неужённый Куруш, несмотря на нескончаемые войны, тем не менее был милостив и отважен и никогда не позволял себе глумиться над чужими обычаями и богами. Как знать, может, гибель Камбуджии – месть небожителей за его издевательское отношение к ним?..

Но на всякий случай он ни с кем не делился своими догадками, кроме старшего сына Дараявуаша.

– Камбуджия жестоко избил свою беременную жену, и она выкинула мёртвого сына. – Сатрап вздохнул. – Теперь у него нет наследников...

– А младший брат? – подсказал сын.

– Бардия? – Виштаспа пожал плечами. – Он когда-то занял моё место, и мы увиделись... – сатрап чуть помедлил, – где-то лет пять назад... С тех пор я о нём почти ничего не слышал. Ведь Бактрия очень далеко.

– Может, он затаился? Мало ли что, ведь он – внук Иштувегу.

Виштаспа улыбнулся:

– Значит, у него ещё больше шансов занять престол.

– А ближайший его визирь, мидиец Патизиф, тоже из племени магов, – напомнил сын.

Виштаспа кивнул:

– Он всегда был очень близок с Камбуджией и во всём его поддерживал. – Сатрап вспомнил былое: – Лет пятнадцать назад, когда ты был мальчишкой, Куруш вернулся из похода на Вавилон и пожелал увидеть младшего сына. – Он помрачнел. – Главный евнух пошёл в гарем и привёл оттуда...

– Бардию?

– Нет, – отец грустно улыбнулся, – младшего брата Патизифа, не помню, как его звали...

Дараявуаш удивился:

– А зачем?

– Этот мальчик и Бардия были так похожи, что евнух их перепутал! – искренне поразился сатрап.

– И что?

Отец вздохнул:

– Великий Куруш приказал отрезать ему уши. Двойнику.

– А зачем? – не понял сын.

Виштаспа пожал плечами:

– Наверно, затем, чтобы этой путаницы больше не было...

В покоях воцарилась тишина. Отец и сын знали, что любой каприз владык извинителен и справедлив, поскольку им он отпущен свыше. Царю впредь не хотелось попадать впросак, и судьба какого-то постороннего мальчишки для него – сущий пустяк, однако...

– И что стало с этим двойником? – с заметной жалостью спросил Дараявуаш.

– Не знаю, – честно ответил отец, – по-моему, он давно умер...

На этом все грустные воспоминания и кончились. Над отцом и сыном явно сгустились тучи тревоги и неизвестности. Смерть царя, какой бы она ни была, ставила их почти на край пропасти. Слава богам, что сам род не пресёкся, но юный царь был для них сплошной загадкой. И, к несчастью, о нём самом никто ничего не знал. Виштаспа пристально взглянул на сына:

– Дараявуаш, тебе нужно как можно скорее ехать...

– В Пасаргады? (Это была главная столица Персидской державы.)

Отец покачал головой:

– Нет, в Сузы.

– А почему в Сузы?

– Там весь гарем. – Сатрап разгладил пышную бороду. – И Бардия прибудет туда непременно, – твёрдо заключил он. – Все жёны Камбуджии достанутся ему...

В этом не было ничего сверхъестественного и противоправного: к новому властителю переходили все жёны и наложницы предыдущего. Покоритель Мидии Куруш завладел гаремом Иштувегу и его зятя Спитама. Так было всегда.

– И что я должен делать там? – уточнил Дараявуаш.

Отец подумал и сказал:

– В гареме Камбуджии есть дочь моего приятеля Отана. Найди его и передай мою просьбу – узнать, что случилось с царём. И как будет вести себя Бардия.

– А при чём здесь его дочь?

Пожилый сатрап снисходительно улыбнулся:

– В гареме знают всё. И наверняка – больше и лучше, чем мы.

Сын верил и не верил, но прекословить отцу никак не мог.

– Хорошо. Сегодня же я еду в Сузы.

– Как?

– Верхом. Возьму с собой конюха Эбара и пятёрку охраны.
Отец погладил его по плечу:
– Молодец. Поезжай, найди в Сузах Отана и всё разузнай. Удачи тебе!
Они обнялись и Дараявуаш вышел. Виштаспа сидел в раздумье...

17

Стенания и плач в гареме постепенно утихли. Все жёны и наложницы теперь чутко следили за поведением главной жены, Атоссы, старшей дочери Великого Куруша. Хотя она и не слыла любимой супругой покойного Камбуджии, всё равно считалась первой. Судя по всему, ей было очень обидно, что он обошёл её вниманием, и другие знали об этом. Но в глубине души Атосса утешала себя тем, что брат ей ничем не нравился.

Огорчало лишь то, как на это смотрели остальные жёны и евнухи. Ведь в большинстве своём они пресмыкались и заискивали перед Роксаной, любимой женой царя. Только она, слава богам, чем-то не угодила покойному и была им забита насмерть. Атосса, к счастью, этого избежала и теперь заняла своё законное место.

А весь гарем с тревогой, нетерпением и страхом ждал прибытия нового властителя, юного Бардии. И Атосса, конечно, надеялась, что молодой царь оценит её по достоинству. Она вспоминала его прошлое, когда Бардия был ещё мальчишкой и почти постоянно до шести лет жил в гареме с матерью. Его мать, мидийская царица Мандана, дочь Иштувегу, не будучи первой женой Великого Куруша, тем не менее считалась выше Кассанданы, его первой супруги. Та была дочерью всего лишь знатного перса.

И сын Манданы, Бардия, рос всеобщим баловнем. Обычно все сыновья из знатных семейств до пяти лет жили и воспитывались в гаремах и отцы мало занимались ими. Но по достижении этого возраста мальчики выходили из-под материнской опеки, и наступала очередь отца. А Куруш непрестанно воевал, и младший отпрыск задержался под материнским крылом...

Его единокровная сестра была почти на десять лет старше и потому мало обращала на него внимания. Она знала, что её дальнейшая судьба накрепко связана со старшим братом. По установившейся традиции ей выпала роль главной жены. Но Камбуджия почти не обращал на неё внимания. Их общая мать, Кассандана, сердилась, негодовала, временами жалуясь на сына супругу.

Но Великий Куруш, занятый бесконечными войнами и общим устройством своей державы, совсем не обращал внимания на недовольство жены. И потом, помня историю своего возвышения, когда он взял в супруги мидийскую царицу, по сути сделав её главной женой, стоило ли поддерживать старые обычаи? В конце концов, Камбуджия волен брать в супруги жену и дочь бывшего владыки любой покорённой страны. Но тот остановил свой выбор на младшей сестре, Роксане. Ну что ж, так тому и быть...

И Атосса оказалась ненужной и забытой. Но теперь, после его смерти, у бедной, неприкаянной страдальцы появилась возможность занять достойное место. Хотя по принятым тогда меркам она слыла почти старухой: обычно девочек отдавали замуж в двенадцать-тринадцать лет, Атоссе же «перевалило» за двадцать. А насчёт её красоты и привлекательности история умалчивает. Хотя молва о «писанных» красавицах, как правило, расходилась широко и надолго. Как тут не вспомнить Елену Прекрасную – прямую виновницу Троянской войны?..

Но вот наконец пронёсся слух, что младший сын Куруша оставил свою Бактрию и возвращается в главный город персидской державы – Пасаргады. Причём ожидаемое возвращение сопровождается тревожными событиями: во многих провинциях, где сатрапы (управители) – персы, их сменяет местная знать. Молодой же царь этому никак не препятствует.

И в царском гареме тоже возник переполох: главный евнух полагал, что жёнам и наложницам властителя нужно переезжать в Пасаргады, но Атосса как первая супруга решила оставить всех в Сузах. Евнух подчинился. И некоторое время спустя новый царь приехал сам, поселившись в загородном дворце. А главного евнуха вызвал к себе царский визирь Патизиф.

Разговор между ними происходил с глазу на глаз:

– Как драгоценное здоровье и настроение всех несравненных созданий во вверенной тебе сокровищнице властителя? – витиевато, как того требовал обычай, осведомился визирь, прекрасно сознавая двусмысленное положение главного охранителя.

Все жёны и наложницы покойного Камбуджии теперь предназначались лже-Бардии. Евнух понимал это, только ни в коем случае не должен был знать всей тёмной и мрачной предыстории.

– Они здоровы и чувствуют себя превосходно, с нетерпением ожидая визита нашего великого повелителя, ваша милость! – смиренно ответил хозяин гарема, помня, что за каждое слово отвечает головой.

А Патизифу важно было уловить любые чувства и желания в обители нежных, бесценных, капризных затворниц, без которых согласие и спокойствие в стране никак невозможно.

– Его царское величество намерен посетить своих женщин в самое ближайшее время, как только появится досуг... – торжественно изрёк визирь, давая понять, что в беспокойном хозяйстве евнуха всё должно быть на самом высоком уровне, а дальнейшее зависит от воли и желания властителя. Тот склонился в глубоком поклоне и, пятясь задом, удалился...

Гаумата сидел за тонким занавесом и всё слышал. С уходом евнуха он появился перед братом, и Патизиф заметил его встревоженное лицо.

– Ты чем-то расстроен? Что тебя пугает? – озабоченно спросил он.

– Я должен идти в гарем? – В глазах юноши трепетал испуг.

– Тебя там ждут твои жёны... – Вельможа чуть улыбнулся. – И ты можешь взять любую, какую пожелаешь... Разве тебе не хочется женщину?

Калеке этого хотелось. Даже очень. Но он боялся выйти из надёжного укрытия. Брат улыбнулся ещё шире:

– Понимаю. Жеребца-производителя не водят к кобылицам, а их водят к нему! Всё так и будет. Не тревожься!

Гаумата хмуро кивнул. А Патизиф подумал, что следует принять какие-то предохранительные меры. До сей поры всё шло более-менее гладко. Никто не заподозрил коварной подмены: оставив далёкую Бактрию и переезжая из провинции в провинцию, лже-Бардия лишь иногда мельком показывался своим подданным. А те никогда в лицо его не видели. Но теперь, оказавшись в центре внимания, он рисковал жизнью. И Патизиф – вместе с ним...

18

Прискакав в Сузы, главный город области Элам, на самой границе с Вавилоном, Дараяуаш разыскал Отана, ещё не старого знатного перса, дочь которого когда-то была отдана в гарем покойного Камбуджии. А нынче, в связи с приездом молодого царя, провинциальные Сузы сделались главной столицей Персидской державы.

Передав ему приветы и пожелания Вишгаспы, сын задал первый вопрос, конечно же, о новом властителе.

– Я его ещё не видел, – чистосердечно признался Отан, – и никто из жителей не может этим похвалиться...

Дараяуаш предположил:

– Может, царь заболел?

– Похоже, он вполне здоров. Даже очень... – помедлив, ответил знатный перс. – К нему уже не раз привозили женщин из гарема.

– Привозили? – удивился посланец. – А разве не он сам навещает их?

По установившемуся обычаю царь приходил к своим жёнам и наложницам самолично, заранее известив об этом главного евнуха.

– Нет, – Отан нахмурился, – в гарем всегда приезжает визирь, выбирает одну из женщин, её сажают в закрытую коляску и везут во дворец.

– И твою дочь – тоже?

Вельможа вздохнул:

– Моя Федима пока этого не удостоилась. Во дворце бывали Атосса, ещё две жены и одна наложница.

Дараявуаш помялся и всё-таки рискнул узнать:

– А что они говорят?

Отан пожал плечами:

– Ничего... – И, заметив недоумение в глазах посланца, добавил: – По приказу визиря всех женщин отделили одну от другой и запретили им общаться. Под страхом наказания!

Это было необычно и странно. Ещё никогда в истории многих царств – Египетского, Вавилонского, Мидийского, Персидского – не случалось ничего подобного. Их властители всегда сами посещали своих желанных затворниц и не запрещали им делиться секретами обольщения и сердечными тайнами.

– А кто у него визирем? – полюбопытствовал Дараявуаш.

– Какой-то мидиец. Из племени магов.

– Его зовут Патизиф? – уточнил посланец.

– Говорят, что так...

Дараявуаш вспомнил:

– Мой отец рассказывал, что у него был младший брат, которому Великий Куруш велел обрезать уши.

Отан удивился:

– Обрезать уши? За что?!

– Он будто бы так походил на сына царя, Бардию, что Куруш не желал, чтобы их попутали. – Посланец снисходительно хмыкнул.

Эта неожиданная новость явно смутила вельможу, и он отважился спросить:

– А где сейчас этот безухий?

Дараявуаш пожал плечами:

– Отец говорил, что он будто бы умер.

Хозяин засомневался:

– Это правда? А от чего?

– Не знаю. Так мне сказал отец. – Но в голосе посланца не было твёрдой уверенности.

Отан немного поразмыслил и вполголоса поделился:

– Ходят слухи, что на востоке и севере убрали наших сатрапов и заменили их своими людьми.

– Ну да, уже во многих провинциях, – вздохнул Дараявуаш, – но вся армия поддерживает царя, а маги упорно рвутся к власти.

– Матерью этого царя была Мандана, дочь Иштувегу. Он тоже был магом, – подхватил Отан.

Посланец почему-то оглянулся по сторонам, хотя в покоях, кроме него и хозяина, не было ни души:

– Если твою дочь привезут к царю, то пусть она хорошенько взглянется в него.

Отан ответил вопросом:

– Ты думаешь?.

– А ты – нет? – едва слышно бросил гость.

На этом они и расстались, хотя оба были почти уверены, что в поведении юного царя скрывалась какая-то подозрительная тайна. Теперь её разгадка невольно ложилась на плечи Отана, точнее, его пятнадцатилетней дочери. Бедный отец понимал: в случае возможного провала Федине грозит смерть, и не только ей, но и всему семейству.

Пристроить девушку в гарем женой или наложницей царя – великая честь для её отца. Он становился ближайшим придворным или визирем властителя. А если его дочь, заслужив особую любовь и расположение царя, родит ему сына, то милости эти несказанно умножатся!

Покойный Камбуджия не успел вознаградить Федину своей царственной близостью, но была надежда, что его младший брат, Бардия, непременно приблизит к себе дочь знатного персиянина. И тогда он станет ещё более важным и могущественным. А вдруг это вовсе не Бардия, а самозванный безухий маг? Что тогда?..

Несчастный Отан продолжал терзать себя догадками и предположениями. Какая, в конце концов, разница, кто он? Пока этот лже-Бардия – глава Персидской державы, он полный хозяин судеб своих подданных. И если Федима будет его любимой женой, как Роксана у покойного Камбуджии, то благополучие её семьи только упрочится.

А если обман всё-таки откроется? Судя по тому, что сын Виштаспы о нём догадывается, где залог того, что он один знает об этом? И, ни на что не решившись, Отан отправился к своему ближайшему соседу, Гауварубе.

Хозяина он встретил во дворе усадьбы мирно расположившимся под раскидистой чинарой. Они любезно раскланялись, и Гауваруба добродушно осведомился:

– Ну как там в гареме? Что слышно?

Все знали, что дочь Отана удостоилась этой высокой чести. Но счастливый отец лишь сокрушённо вздохнул и покачал головой. Гауваруба указал ему на табурет:

– Садись. Рассказывай. Во дворец нас почему-то не зовут...

Отан охотно присел, не зная, с чего начать. Его выручил сам хозяин:

– Ходят слухи, что царь не бывает там, а призывает женщин к себе поодиночке.

– Да, – подтвердил гость, – их привозит ему визирь.

Гауваруба внимательно окинул его взглядом:

– А визирь у него из рода магов...

– Он бывший придворный Великого Куруша и верный помощник покойного Камбуджии, – подсказал гость.

– И стал главным визирем у Бардии, – двусмысленно закончил Гауваруба.

Оба некоторое время молчали.

– Жалко мне нашего доблестного Куруша, – соболезнующе продолжил хозяин. – Он сверг власть мидийца Иштувегу, а теперь наше царство вновь переходит к ним. – Он развёл руками. – Ведь Бардия – его внук!

– Если бы внук! – сокрушённо вздохнул гость.

Гауваруба встревожился:

– Что ты хочешь сказать? Разве нет? Тогда кто он?!

Тут Отан поведал ему то, что услышал от сына Виштаспы. Хозяин помрачнел:

– Выходит, нами правит какой-то корноухий маг?! Вот мы дожили!

– Тш-ш-ш... – встревоженно прошипел гость, оглядываясь по сторонам.

Но двор был пуст. Вечернее солнце, как это случается в сентябрьские погожие дни, настойчиво пробивалось сквозь трепещущую на лёгком ветерке листву, и по тёмному с серебряной бородой лицу Гауварубы скользили яркие блики.

– Нужно повидаться ещё кое с кем... – негромко поделился он.

– Это с кем же? – насторожился Отан.

– Есть у меня надёжные люди. – Хозяин мысленно перебирал их в уме.

– А кто они? – не отступал гость.

– Четверо верных, храбрых мужчин, – уверенно подтвердил Гауваруба.

Отан не стал возражать, прекрасно понимая, что малыми силами такое дело не проверить.

– Значит, нас будет шестеро. – Он вздохнул. – А как быть с Дараявуашем?

– Сыном Виштаспы? – Хозяин подумал и ответил: – А сколько ему лет?

– Ещё нет тридцати.

Гауваруба усмехнулся:

– А не рано ему?

– Почему рано? – Отан напомнил: – Его отец вместе с Великим Курушем начинал войну с Мидией в эти же годы! И ничего, справились.

Воспоминание о боевом прошлом, в котором они оба принимали самое горячее участие, ещё более сблизило и приободрило соседей.

– Твоя дочь ещё не была там? – имея в виду дворец царя, полюбопытствовал Гауваруба. – Но другие-то, я слышал, уже побывали.

Отан подтвердил:

– Были Атосса и ещё несколько женщин.

Хозяин покосился на него.

– Атосса же – его сестра, – он говорил о Бардии, – неужели она его не узнала?

Гость пожал плечами:

– Кто его знает? Расстались-то они давным-давно. Могли многое забыть.

Гауваруба не стал возражать, вздохнул и закончил решительно:

– Ну, что поделаешь? Придётся твоей Федиме в самые уши царю заглянуть! Другого такого случая может не представиться.

Отан сокрушённо качнул головой.

19

Атосса, старшая дочь Кассанданы и Великого Куруша, после возвращения из загородного дворца нового царя никак не могла прийти в себя. И не только всё случившееся с ней там, но и перемены в повседневной жизни жестоко ранили главную принцессу.

Как любой восточной женщине, ей важно было достичь телесной близости с законным мужчиной ради зачатия от него ребёнка, желательно сына, дабы утвердить себя в нужности и полезности, а остальное – потом. И с этими мыслями и желаниями она ехала во дворец. Сопровождали её два евнуха и вооружённая охрана, стерегущая принцессу словно самый драгоценный дар...

Поначалу Атоссе всё это нравилось. Наконец, думалось ей, минули годы забвения и каждодневного унижения, когда слуги и соседки по гарему, жёны и наложницы, зная о её высоком происхождении и видя пренебрежение со стороны покойного царя, всячески старались уколоть и поглумиться над ней. Изогрённое женское воображение угодливо подсказывало им самые низкие уловки и насмешки. Временами бедная страдалница хотела наложить на себя руки, столь нестерпимо было выносить эти оскорбительные, злые нападки!

Пожалуй, лишь Артистона, средняя сестра, тоже жившая в гареме и когда-то отвергнутая Камбуджией (он даже не дотронулся до неё), осторожно и почти незаметно поддерживала старшую. Вероятно, из чувства солидарности.

Но теперь, думала она, всё позади. С воцарением младшего брата, брата по отцу, положение мигом переменится. Ведь недаром её первой призывают во дворец, первой по рождению

и рангу. Отдавшись ему, она по праву займёт самое важное положение не только в гареме, но и в стране. А если родится сын!..

У входа во дворец Атоссу встретили другие евнухи, прислужники царя, и проводили её в опочивальню. Убранство просторной, великолепной комнаты говорило о том, что гостью здесь ждали с нетерпением. Букеты алых роз и нежно-голубые лотосы в узкогорлых алебастровых сосудах стояли невдалеке от пышного ложа, умело скрытого роскошным балдахином. Поодаль высился обширный столик, инкрустированный изумрудами, аметистами и яшмой, щедро уставленный золотыми вазами с фруктами и сладостями.

Сбоку стоял столик поменьше с серебряным тазиком и кувшином для умывания рук. Как воспитанная девушка, Атосса ополоснула руки и насухо вытерла их. (Накануне, ещё в гареме, по распоряжению главного евнуха всю её, с головы до ног, старательно помыли и щедро умастили благовониями.) Присев на изящный табурет, новобрачная стала терпеливо ждать.

Масляные светильники по углам горели ровными, немеркнувшими огнями, готовясь светить вечно. Атосса огляделась и прислушалась. Кругом царила настолько глухая и непроницаемая тишина, что становилось не по себе. Она вдруг вспомнила: такая же сплошная немота господствовала в спальне гарема, когда Камбуджия лишал её невинности. Но что это?

Ей послышался осторожный то ли шорох, то ли шёпот. В полумраке, в противоположном углу, почти под потолком, Атосса с трудом разглядела прямоугольник бронзовой решётки. Вероятно, воздухопровод. Это в его сторону чуть отклонялись язычки пламени светильников. Она успокоилась и вновь стала ждать...

– Ты боишься её? – едва слышно спросил Патизиф у брата, отстранившись как можно дальше от бронзовой решётки.

Гаумата сдержано вздохнул. Визирь опять всмотрелся в полумрак опочивальни. Едва различимая женская фигура неподвижно сидела внизу, возле пышного балдахина.

– Она ждёт тебя! – настойчиво повторил он.

Младший брат решительно спустился по узкой лестнице, идущей вдоль стены. Патизиф поспешил следом:

– Ты к ней?

– Нет, – глухо бросил калека.

– Почему? Боишься, что она раскроет тебя?

Они вышли в соседнюю комнату.

– Нет, – в голосе лже-Бардии прозвучала обида и усталость, – не могу. Ничего не получится.

Каким-то чудом старший брат понял, что настаивать и переубеждать бедного калеку не имеет смысла. И вряд ли удастся ободрить и настроить его на решительный шаг.

– Хорошо, – согласился он, – пусть она побудет здесь до утра, а потом...

– Что потом? – насторожился Гаумата.

Визирь снисходительно улыбнулся:

– Завтра мы привезём сюда другую сестру.

– А что с этой? – недоумевал страдалец.

– Эта будет молчать. – Патизиф хитровато сощурился. – Я уже приказал расселить их поодиночке и поставить стражу у дверей.

Лже-Бардия покачал головой: предусмотрительность и усердие старшего брата были выше всяческих похвал. Только его царственная жизнь и судьба становились всё сложнее и запутанней. Завтра ему привезут вторую сестру, Артистону. Она девственница и никогда не видела своего младшего брата Бардию. Это облегчало его намерения, но не давало никаких шансов на успех.

– Иди отдыхать. – Патизиф ласково тронул его за плечо.

Утром в опочивальню осторожно заглянул один из младших евнухов и увидел принцессу, спавшую на ковре возле роскошного ложа. Он быстро отправился оповестить об этом своего главу. Старший евнух поспешил в покои визиря и, низко кланяясь, доложил ему о случившемся. Но, против ожидания, Патизиф ничуть не удивился и сказал:

– Сейчас же отправляйся к главной жене царя, предложи ей умыться и хорошенько накорми её. – Он не спеша поднялся с постели. – А потом, не мешкая, отвези её в гарем!

В спальню вошёл Гаумата.

– Всё, иди, – визирь махнул рукой.

Евнух мигом удалился. Патизиф накинул парчовый халат и, сдерживая смех, сообщил младшему брату:

– Ты знаешь, где спала твоя главная жена?

– Не знаю, – признался лже-Бардия, хотя по нему было заметно, что он сам провёл далеко не лучшую ночь.

– На ковре у брачной постели! – Визирь захохотал. – Как комнатная собачка!

Калека ещё больше помрачнел. Это глупое, досадное происшествие едва ли добавит ему успеха. Патизиф похлопал его по плечу:

– Не хмурься! Ничего страшного. Ей придётся ко многому привыкать. – Он всмотрелся в понурое лицо младшего брата. – А тебе нужно как следует выспаться и набраться сил! – Визирь озорно подмигнул. – Будущая ночь не должна походить на вчерашнюю! Эта юная кобылица не должна остаться непокрытой! Она же ещё не обьезжена.

Гаумата сокрушённо вздохнул...

20

Заговорщики собрались в доме Гауварубы. Кроме самого хозяина, его приятеля Отана и четверых знатных персов с ними находился и Дараявуаш. Среди мятежников, решивших убрать неугодного правителя, он был самым молодым. Это заметно настораживало остальных, но Отан успокоил их, сообщив, что новый сообщник – сын ближайшего помощника Великого Куруша, Виштаспы.

– Твой отец был сатрапом Бактрии, а потом стал управлять Экбатаной? – спросил один из знатной четвёрки.

– Ну да, – кивнул Дараявуаш, – пока его не сменит какой-нибудь маг...

Солидные заговорщики понимающе переглянулись: хлёсткое замечание чужака только подлило масла в огонь.

– А кто-нибудь видел этого Бардию в лицо? – настойчиво осведомился ещё один из собравшихся.

– В том-то и дело, что никто. – Гауваруба криво усмехнулся. – Он сидит как привязанный во дворце и даже в гарем не приезжает! Честно говоря, я такого не помню! Может, мне это кажется?

Все взоры сошлись на Отане.

– Твоя Федима была у него? – спросил третий заговорщик. Кто же не знал, что дочь вельможного перса удостоилась этой чести! Но сейчас ему было явно не по себе.

– Ещё нет, – отец тяжело вздохнул, – но вот-вот будет!

Заговорщики угрюмо переглянулись. Конечно, нынче никто не завидовал некогда счастливому родителю, но теперь одна надежда была на него, точнее, на его расторопную дочь. Все семеро, не сговариваясь, подумали об этом, в том числе и сам отец.

– Надо её как-то предупредить, – твёрдо заключил Гауваруба, – чтобы она всё точно разглядела, без оплошки! Мало ли что...

Отан попытался возразить, вовсе не желая подставлять дочь под возможный гибельный удар:

– А если это всё-таки Бардия? Что тогда?

– Ничего страшного! – подхватил четвёртый мятежник. – Он будет только рад!

Дараявуаш не ввязывался в спор, помня, что он здесь человек пришлый и слишком молод. Отан обратился к нему:

– Послушай, ты ведь видел Бардию, верно?

– Видел, когда он приехал сменить моего отца. Бардия тогда ни от кого не прятался! – вполне определённо ответил тот. – Охотно принимал всякого...

Эти слова лишь подкрепили сомнения собравшихся. Хозяин безоговорочно заключил:

– Ну всё! – Он взглянул на несчастного отца. – Передай Федиме, что наши судьбы в её руках. И твоя, кстати, тоже.

Отан горестно насупился. Он понимал, что увидеть дочь ему никак не удастся. Доступ в гарем для посторонних мужчин настрого запрещён, хотя главного евнуха он отлично знал. Вернувшись домой, бедный отец сказал третьей жене, дочерью которой была Федима:

– Сегодня я отвезу тебя в царский гарем.

– Мой господин, в чём моя вина перед тобой? Что я сделала?!

– Помолчи, женщина, лучше внимательно послушай. – Отан нахмурился. – Ты там найдёшь нашу дочь и скажешь ей, – он понизил голос, – когда наш повелитель призовет её к себе, пусть она хорошенько осмолит его голову.

– Зачем? – недоумённо спросила супруга.

Отан с трудом сдержал себя:

– Пусть проверит, есть ли у него уши.

У жены от изумления безмерно округлились глаза:

– Уши? У него их нет?!

Бедный муж готов был прибить бестолковую подругу, но выхода у него не было:

– Послушай, дурная голова, у нас беда! – Он перевёл дыхание. – Нами правит какой-то оборотень. Если мы не уберём его, нам всем конец!

Паника в лице женщины перешла всякие границы. Скорее всего, скупые наставления мужа она воспринимала как какое-то страшное заклинание. Но Отан понимал, что более подробные и важные вещи пересказать ей он не может. Она их попросту не поймёт.

– Ты всё поняла? – спросил он на всякий случай.

Жена покорно кивнула и всё-таки не удержалась:

– А как же...

Она запнулась и вся порозовела. Отан каким-то чудом уловил, что ей не терпелось узнать: если дочь попадёт в спальню этого оборотня, то нужно ли ему отдалиться? Она ведь была девственницей. Отец обречённо качнул головой и сурово предостерёг:

– Запомни: Федима должна увидеть его уши! Во что бы то ни стало!

Бедная мать прерывисто вздохнула и опустила глаза.

– Тогда пойдём! – Отан вместе с опечаленной женой вышел во двор, где их ждала крытая повозка, помог ей влезть внутрь, сел сам и приказал кучеру:

– Трогай!

Экипаж выехал на узкую, тесную улочку. Лошадь, глухо стуча нековаными копытами, затрусила в самый центр Суз, бывшей столицы Элама, когда-то благополучно занятого Великим Курушем...

21

Утром следующего дня Дараявуаш прискакал к Отану. Пожилой вельможа выглядел тревожным и озабоченным. Но, следуя обычаю, гость не мог с порога расспрашивать хозяина ни о каких важных делах, и потому Отан любезно пригласил его разделить с ним утреннюю трапезу. Они уселись за стол, а слуги принесли им хаому (вино) и закуски.

– Угощайся, дорогой гость, и будь здоров и весел! – приветствовал его хозяин.

Оба выпили по бокалу вина, и Отан по праву старшего негромко посетовал:

– Видарна (один из заговорщиков) не верит, что Бардия – безухий маг!

– А что остальные? – насторожился Дараявуаш.

Хозяин пожал плечами:

– Они хотят всё знать наверняка. Их можно понять.

Тут гость проявил настойчивость:

– Твою дочь возили во дворец?

Отан молча кивнул.

– И что она узнала?

Хозяин тяжело вздохнул:

– Мать поехала к ней и скоро должна вернуться.

Восточные нравы не позволяли чужому вмешиваться в чьи-то семейные дела, и потому гость осторожно спросил:

– Ей можно верить?

– Кому? – не понял хозяин. – Жене или дочери?

– Обеим, – на всякий случай уточнил Дараявуаш.

Отан некоторое время молчал. Видимо, в глубине души он не раз пожалел, что ввязался в эту мутную историю. Вдруг его юная дочь, будучи невинной, крепко понравится властителю – неважно, настоящий он или самозванный – и принесёт ему наследника? Тогда сам Отан станет правой рукой царя...

– Федима – девка послушная и крепкая. – Он чуть улыбнулся. – А её матери я настрого приказал всё исполнить! – И бедный отец повторил то, что наказывал жене: – Если мы не уберём его, нам всем конец!

Молодой гость согласно кивнул и насторожился:

– Сюда кто-то приехал?

Хозяин встал и выглянул в окно:

– Это жена вернулась!

Он быстро вышел во двор. Дараявуаш налил себе вина и залпом выпил. Сейчас решалась не только его судьба, но и ближайшее будущее всей персидской державы. Почти три десятилетия Великий Куруш непрерывными войнами собирал её, потом его безумный сын пытался всё сохранить и даже приумножить, а нынче какой-то проходимец способен бесславно развалить великую страну.

О собственной роли во всём происходящем он пока не думал, но, подобно всем авантюристам, которых в человеческой истории пребывало великое множество и пребудет ещё немало, молодой перс решил не отступать, надеясь на грядущий успех. В столовую вошёл хозяин. По его лицу было трудно определить, удачной или провальной оказалась их хитрая уловка. Дараявуаш весь напрягся.

– Он маг! – хрипло выдохнул Отан. – Ушей у него нет!

Гость побледнел.

– Она, – он имел в виду дочь, – руками ощупала его. Там какие-то огрызки, будто его рвали собаки!

Дараявуаш уже пришёл в себя:

– Мой отец был прав. Это прихоть Куруша.

– Какая прихоть? – не понял хозяин.

Но гостю не хотелось тратить время на рассказ о давнем происшествии:

– Что мы теперь будем делать?

Отан отрезвел. После успешного начала надо было найти не менее удачное продолжение. Но как? Самозванца любыми путями следовало убрать. А этих путей, увы, виделось не так уж много. И если тянуть время, это грозит верным провалом. А дальше – жестокая казнь всех заговорщиков...

За окнами вновь раздался шум. Дараявуаш на всякий случай нащупал за поясом клинок. Отан выглянул в окно:

– Это Гауваруба пришёл с друзьями.

Он направился встречать заговорщиков. Гость остался сидеть. Когда вся шестёрка ввалилась в столовую, Дараявуаш понял, что они уже наслышаны о дерзкой уловке хозяйской дочери.

– Отчаянная девка! – воскликнул Гауваруба. – Надо же, ничего не испугалась!

– Теперь и нам надо не подкачать! – подхватил Видарна, который доселе не очень верил в подмену нового властителя. Дараявуаш почувствовал: он тоже имеет право вставить своё веское слово:

– Нужно убрать его как можно скорее!

Мятежники насторожённо косились на него. Никто не спорил, что наглого мага следует жестоко наказать, а что будет потом? Персидская держава лишится своего пусть незаконного, но владыки. Ведь царская ветвь, увы, безвозвратно пресеклась, и кто займёт осиротелый трон? Заговорщики, не говоря ни слова, тревожно переглядывались. Но не спешили действовать...

22

И два дня спустя Патизиф, потирая руки, вошёл в спальню младшего брата:

– А ты молодец! Славно потрудились, жеребчик! Не в чем мне тебя упрекнуть, слава богам. Пусть и дальше всё будет не хуже!

Гаумата с удовольствием потянулся, лёжа на взбитой постели. Визирь глазом знатока окинул брачное ложе поддельного царя, сплошь измятое и всклокоченное, и удовлетворённо заметил:

– И вот ты наконец овладел всем царским гаремом, а теперь нужно подчинить всю Персидскую державу! Ты готов?

Младший брат заметно поскущел. Он, без сомнения, прекрасно понимал, что власть над женщинами, сколь бы трудна и хлопотна она ни была, не шла ни в какое сравнение с главенством над огромной страной. Её границ и размеров он даже не представлял.

Патизиф, глядя в его лицо, уловил все тяготы и муки несчастного калеки:

– Не горюй! Нам нужно только время. – И он бодро прибавил: – Скоро уберём всех персидских сатрапов и поставим своих. Как это было при Иштувегу. И пусть они только посмеют нам перечить!

За стенами раздался какой-то подозрительный гомон и шум. Братья насторожились. В дверь просунулась голова главного евнуха:

– Повелитель! Сюда идут семеро важных персов!

– Кто им позволил?! – грозно вскричал визирь. – Закрыть все двери! Никого не впускать!

Но на лестнице уже гремели удары мечей, злобная брань и яростные вопли сражающихся. Гаумата вскочил с постели, мигом надел шальвары и рубаху. Брат схватился за кинжал, всегда бывший при нём. А в спальню ворвались трое из семёрки заговорщиков: Дараявуаш, Гауваруба и Отан. Их встретил Патизиф, выставив вперёд острие кинжала. Завязалась жестокая схватка.

В спальне царил полумрак. Небольшие, узкие окна располагались почти под потолком, и утреннее сентябрьское солнце, поднявшись над горизонтом, едва освещало просторную опочивальню. Фигуры дерущихся напоминали размытые тени, рьяно мечущиеся из стороны в сторону. Безоружный Гаумата ухватил бронзовую треногу светильника и кинулся на Отана. Тот сумел отбить удар мечом. А Патизиф изловчился поймать за руку Гауварубу и выбить из неё меч.

– Бей его! – крикнул тот Дараявуашу.

Молодой перс с маху ударил визиря по загривку. Патизиф упал. В комнату вбежали остальные мятежники, успевшие расправиться с дворцовой охраной. Двое были серьёзно ранены. Но через мгновение Гаумата был безжалостно убит. Он упал вниз лицом, и Гауваруба, наступив ему на спину, зло откинул длинные чёрные локоны, скрывавшие увечье самозванного царя:

– Посмотрите на этого негодяя! Этого гнусного, подлого мага!

У жертвы вместо ушей торчали какие-то жалкие огрызки, наспех оставленные когда-то дворцовым лекарем. Но виновники жестокой казни с чувством исполненного долга некоторое время созерцали бездыханное тело, ощущая себя героями и ревностными исполнителями священного долга. Они наконец лишили жизни того, кто почти полгода обманывал и морочил всех, выдавая себя за природного, законного властителя.

– Наконец-то всё свершилось! – неожиданно воскликнул Видарна. – Теперь мы будем жить как прежде!

Трудно сказать наверняка, что он имел в виду. Скорее всего, трон должен занять какой-то достойный перс. Но кто? Камбуджия, сын Великого Куруша, не оставил наследников. Значит, нужно выбирать нового царя, а кто им может стать? Сообщники насторожённо переглянулись. Они всё-таки убрали самозванного владыку, а из этого следовало одно: царём должен быть кто-то из семёрки заговорщиков. По-другому случиться и не могло.

– Не будем торопиться, – обдуманно предложил Отан. – Надобно всё как следует обсудить.

Дараявуаш почувствовал: наступил момент, когда он может сказать своё слово:

– А не надо ли нам объяснить жителям Суз, кого мы справедливо наказали? Ради них же самих...

– Верно! – подхватил Гауваруба. – Они наверняка подумают, что мы низкие душегубы! Пришлые разбойники. Нужно как-то оправдаться. А как?

Мятежники, лихорадочно размышляя, несколько минут смотрели на два распростёртых тела. Отан вдруг вспомнил:

– А стража у ворот, которая нас пропустила? Из кого она состоит?

– Я знаю, там есть эламиты и парфяне, – вставил Видарна.

– А маги? – уточнил Дараявуаш.

– Магов и персов среди них нет, – заверил Отан.

Гауваруба решительно махнул рукой:

– Сделаем так: отрежем обманщикам головы, вынесем в город – и пусть все видят, кому они поклонялись! Какому-то корноухому магу!

Сколь бы жестоко, подло и омерзительно ни казалось неожиданное предложение, иного благополучного исхода сообщники попросту не видели. И, приободрившись, они смело обезглавили бездыханные тела, потом вышли за дворцовые стены и вплоть до самого вечера, до захода осеннего солнца, суровые мстители показывали окровавленные трофеи всем желающим, особо щеголяя безухой головой несчастного Гауматы.

На следующий же день, сверх всякого ожидания, в славных Сузах начались кровавые погромы. Горожане, в основном эламиты, парфяне и персы, безжалостно убивали всех магов.

Этот день вошёл в древнюю историю Ирана как день «избиения магов» и стал праздником. Они прятались, где только могли, стараясь не попадаться на глаза никому из местных жителей.

А заговорщики, гордые содеянным, ломали головы: власть сама шла им в руки, но какое она должна принять обличие? Нужно ли избрать нового царя, и кого? Но, быть может, стоит оставить во главе государства нескольких вельмож? Из числа сообщников, разумеется. Или всех семерых...

Спор продолжался пять дней. Но почти безрезультатно. Наконец очередь дошла и до молодого вельможи Дараявуаша. Он напомнил, что наибольших успехов и славы страна достигла при воцарении единственного правителя – Великого Куруша. Только при его твёрдой, неизменной власти персы шли от победы к победе и создали великую мировую державу. С этим было трудно не согласиться. И хотя сам творец этой славы бесследно исчез на берегах далёкой восточной реки, но память о себе он оставил неизгладимую.

– Ладно, – нехотя согласился Видарна, – а кто будет нашим единым владыкой?

Тут у заговорщиков единого мнения не было. И согласия – тоже. Как это всегда происходит у людей, никто не думал о судьбах страны, а лишь о самом себе и участии родных и близких. Спор мог растянуться ещё на несколько дней, но тут стойкий Гауваруба предложил отдаться воле случая.

– Погоди, а как это? – недоумевал Отан.

– А так. – Гауваруба чуть улыбнулся. – Завтра утром мы на лошадях выедем за стены города встретить восход. И чей конь заржёт первым, тот и станет царём!

Это казалось рискованным и опасным, но другого выхода не было: ещё несколько дней тревожного безвластия – и страна неминуемо распадётся! В Бактрии, Каппадокии, Вавилоне и Армении уже начались волнения.

– Ну хорошо, – ответил за всех Видарна. – Завтра утром мы обретём наконец царя! У которого самый голосистый конь!

Заговорщики вздохнули с облегчением. И Дараявуаш – вместе со всеми, но в уме он уже прикидывал, как прочно оседлать удачу. И вспомнил о своём разбитном конюхе. Эбар наверняка сумеет взять этот случай под уздцы. А когда сообщники разъехались по домам, молодой перс немедленно нашёл своего удалыца. Выслушав хозяина, конюх лукаво усмехнулся и обнадёжил:

– Он будет ржать сколько захотим! Хоть от восхода до заката!

Дараявуаш и не думал в этом усомниться, зная цепкий нрав своего слуги, его умение холить лошадей. Осталось только дожидаться завтрашнего утра. И вот оно наконец наступило. Встречать первые лучи нежаркого сентябрьского солнца претенденты на царский трон дружно выехали за стены города.

Древняя персидская легенда гласит: «Конюх Дария поздним вечером выехал за стены и привязал где-то невдалеке кобылицу, которую очень любил жеребец хозяина. И когда на восходе солнца заговорщики показались из ворот, конь Дария, почуяв кобылицу, громко заржал. И Дарий стал царём». Вот так, красиво и очень романтично.

Но «отец истории» Геродот приводит другое свидетельство, не столь романтичное, зато более близкое к истине: «Эбар сунул руку в половые части кобылицы и затем спрятал её в штаны. А с восходом солнца он вытащил её и поднёс к ноздрям Дариева жеребца, а тот, почуяв кобылицу, зафыркал и заржал». Конюх был разбитным парнем и прекрасно понимал, что здесь не может быть промашки! Разве можно надеяться на обманчивые чувства?

Если где-то припрятать даже самую любимую самку, то где гарантии того, что самец почует её? А вдруг он схватил насморк или ветер подул не в ту сторону? Не исключено, что её мог почуять куда более пылкий жеребец, изголодавшийся по желанной подруге. И даже не один. А грубый, зато безотказный поступок Эбара принёс желанный успех его хозяину.

Так сын Виштаспы, горячего поклонника Ахура-Мазды (Мудрого Господина), по имени Дараявуаш (Благонравный) стал очередным и удачливым властителем Персидской империи...

Сергей Кардо

73 года, родился и живёт в Москве.

Писать начал в уже достаточно зрелом возрасте, пятнадцать лет назад. За это время принял участие в качестве автора в восьми ежегодных сборниках конкурса прозы «Новые писатели» под эгидой прогрессивного московского издательства «Дикси Пресс».

Соавтор в двух издательских проектах: «Путь дилетантов (книга о поэзии и прозе)» (2021) и детективах про следователя Максима Тугодумова «Остановка» (2019) и «Как насчёт кофе, господин майор?» (2021).

Автор книг «И жизнь твоя, как повесть без конца» («Дикси Пресс», 2017), «Прогулка по Москве» (Lulu Press, 2024), а также книги, выпущенной в электронном виде, «И кем ты сегодня был?» («Дикси Пресс», 2023).

Приглашение в путь

Мой начальник цеха Иван Фёдорович Мечетин в юности служил на Балтике, на подводной лодке класса «М» – «Малютка». Посудина, прямо скажем, мелкая. Двести тонн надводного водоизмещения, двести пятьдесят тонн – когда под водой.

Лодка нечасто выходила в Маркизову лужу¹, потому что была дряхла морально и физически. В неё заряжалось всего две торпеды, перезарядка их конструкцией не предполагалась, мин лодка ставить не умела, да и удобств в ней было маловато.

¹ Финский залив (ирон.).

Двадцать один человек – вот и весь экипаж. Служба моториста-краснофлотца Мечетина в основном проходила в одиночестве, в кормовом² отсеке «Малютки», рядом с электродвигателем, компрессором, трюмным насосом и балластной цистерной. Ваня отвечал за работу мотора, а остальные штуки жили самостоятельной жизнью: компрессор и насос включались и выключались по команде мостика, а цистерна то булькала, то шипела по мере заполнения забортной водой.

В отсеке матрос нёс вахту, иногда дремал, здесь же завтракал, обедал и ужинал.

Пост «маслопупа»³ был как раз при электромоторе, который вращал винт лодки. Полагались Мечетину «табельное оружие» – карандаш и журнал, амбарная книга, переплетённая «под малахит», которую требовалось регулярно заполнять. Ручка не предусматривалась.

Про ручку матрос Мечетин ни у кого не спрашивал, а сообразил сам: чернила бояться воды. Если лодку подбьют враги и наша боевая единица, не выйдя на связь в положенные сроки, будет вычеркнута из списков действующих кораблей ВМФ, считаясь пропавшей без вести, то когда её, оставшуюся обрастать ракушками на морском дне, в конце концов отыщут военные водолазы, они обязательно, осторожно разжав кости рук занесённого илом мертвеца-моториста, изъяв разбухший и обгрызенный рыбами журнал, передадут его в правильные инстанции, которые смогут прочесть строчки, написанные грифелем.

А уж они и расскажут, какой ход имела субмарина в трагический момент своей героической гибели. Зачем это надо живым, матрос Мечетин тоже понимал. Флотские следователи будут сверять его записи с теми, которые обнаружат в судовом журнале. Если, конечно, он тоже уцелеет. Чтобы установить истину, осмыслить её и разнести полученный боевой опыт по действующим экипажам. Если винт длительное время вращался с неизменной угловой скоростью, значит, на лодке профукали опасность. Если короткое время – не успели увернуться. Если дергались взад-вперёд, судно маневрировало, боролось, а он, краснофлотец, до последнего выдоха пузырьков воздуха нёс вахту на боевом посту.

Как велит морская традиция, роба матроса перед встречей с вечным должна быть чистой. Останки в белоснежном целлулоидном подворотничке – важный знак живым. Значит, погибший знал о неминуемой смерти.

Поэтому своё исподнее Иван Мечетин старался содержать в аккуратности, ибо на субмарине состояние «перед смертью» включалось сразу после «отдачи концов». Фраза, конечно, двусмысленная. Вроде бы флотская: лодка отвалила от пирса. А если сухопутная? Про неё Ваня, единственный сын путевой обходчицы, девятнадцатилетний выпускник ПТУ из подмосковных Вербилков, старался не думать.

Оставаться чистым «маслопупу» удавалось с трудом... Но об этом – чуть позже.

Когда лодка погружалась под воду, Мечетин получал команду по машинному телеграфу, повторял её в переговорную трубу, предварительно сказав: «Есть!», затыкал амбушюр⁴ пробкой на цепочке и переводил контроллер двигателя в соответствующее положение.

«Малый вперёд!» – Есть малый вперёд!

«Малый назад!» – Есть малый назад!

«Вперёд помалу!» – Есть вперёд помалу!

Романтическое «Полный вперёд!» звучало редко: от полного хода быстро скисали банки⁵, выделялся водород, возникала угроза коротыша⁶ и пожара. Аккумуляторные ямы закрывались

² Не от слова «кормить», а от слова «корма». Флотских кормят на камбузе.

³ Флотское прозвище моториста.

⁴ Способ сложения губ музыканта при игре на некоторых духовых инструментах с определённым устройством мундштука. В более широком смысле – название любого раструба.

⁵ Садились аккумуляторные батареи.

деревянными щитами и находились аккуратно под центральным постом. А если не дай бог что, то выход-то из лодки был один – именно через центральный.

Получив команду по телеграфу, ответив и переведя реостат питания двигателя в нужную позицию, Иван высывал от усердия язык и за отведённые уставом пятнадцать секунд тщательно и красиво записывал показатели тахометра в «Журнал записи числа оборотов главного гребного электромотора». Иногда, под настроение, Иван называл его «главным грёбаным электромотором».

Семь тридцать четыре: полста шесть оборотов в минуту. Восемь десять: сто двадцать два оборота. И так каждый раз, когда включался подводный ход или менялся режим работы машины. Порой Иван воспитывал характер – боролся с искушением вместо «оборот» написать слово «обормот».

Конечно, двигатель свой он, безусловно, уважал, потому что под водой Ваня Мечетин должен был быть строго при нём. Во-первых, это освобождало моториста от некоторых обязательных работ на борту «Малютки». Авралы случались регулярно: «Малютка» была судном, скопированным с ещё царской постройки субмарины «Миного». Сама «Миного» была, в свою очередь, скопирована с ещё более древней «Касатки». Кто послужил в качестве матрицы «Касатке», Ване было неизвестно, но он был твёрдо уверен, что был прототип и у неё... Может, подводная лодка, изобретённая ещё Леонардо да Винчи? Названия «Малютка» и «Касатка» были более-менее понятны, а вот «Миного»... Отвратительная, мерзкая тварь с присоской вместо пасти, да к тому же и речная. До революции в копчёном виде миноги свободно продавались в деликатесных лавках Петербурга и Ревеля и, говорят, были необыкновенно вкусны. Да только имеет ли это отношение к подводной лодке?

А во-вторых, тепла работающий электромотор выделял столько, что Ваня в своём отсеке не мёрз. За то ему полагалось от моториста отдельное спасибо.

Записи в «Журнале» были важны и для самой лодки: по ним высчитывались сроки очередного ремонта ходовой матчасти сложного и капризного военного судна.

Отвечал центральному посту Мечетин всегда громко и чётко, но осторожно, стараясь не касаться губами амбушюра. Хотя находился матрос в отсеке один, имелись к тому веские основания.

Случилось это в самом начале его службы...

В один то ли прекрасный, а может, и нет день, во время стоянки на плавбазе, спецкоманда из губарей⁷ провела дезинфекцию лодки дымовыми шашками.

Мероприятие нужное, особенно перед выходом на плановые учения. Когда мор закончили, «Малютку» на скорую руку проветрили, подводников на следующие сутки запустили на борт. Матросы осмотрелись, всё вымыли-вычистили в отсеках, ещё раз до скрипа протёрли фланелью стёкла многочисленных приборов, и лодка отшвартовалась от судна-матки – с запахнутым рубочным люком: внутри пованивало. Безмолвная субмарина, ведомая буксиром, вышла в главный фарватер. Ближе к полуночи буксир обрубил концы и пошёл обратно. На лодке сыграли тревогу, задраили люк, переборки и погрузились на перископную глубину. Звякнул гонг машинного телеграфа, мотористу Мечетину пришла команда: «Средний вперёд!» Иван споро откупорил переговорную трубу и гаркнул было: «Есть средний вперёд!» Но получилось не браво: «есть» прозвучало громко, «средний» – с заметным усилием и тише, а уж «вперёд» – так и вовсе будто шёпотом умирающего, «вперёд» скомкалось шуршащим комком старой бумаги.

⁶ Короткое замыкание.

⁷ Сидельцы на «губе» – гарнизонной гауптвахте.

Из переговорной трубы шёл тошнотворный, отвратительный трупный смрад. Иван Мечетин, поперхнувшись и закашлявшись, не в силах ни протолкнуть, ни вытолкнуть комок вонючки, стал медленно оседать на настил палубы.

А в голове страшная мысль: «Беда! На центральном посту случилось что-то ужасное!»

Подняться, заткнуть амбушюр пробкой, контроллер – на «средний вперёд», щелчок секундомером, запись в журнал. Службу никто не отменял! Винт, с ржавым скрипом провернувшись, пришёл в движение, лодка двинулась вперёд. А матрос зашевелил мозгами...

Субординация позволяла обращение к вахтенному в экстренных случаях: пробойна, серьёзная течь, пожар, поломка движка, посторонние звуки за корпусом. Но вонь? Про неё устав ничего не говорил. Мечетин сомневался: доложить или нет? Если запах пришёл из переговорной трубы, то источник его... Да! Источник вонючки – центральный отсек. Именно там. Там, где второй конец трубы, там, где командиры. Иван быстро натянул маску самоспасателя и продолжил размышления. Их результатом явилось твёрдое желание: «Доложить!» Краснофлотец решительно выдернул пробку и не менее решительно проорал в трубу:

– Кормовой отсек – центральному посту. Неизвестный газ поступает, предположительно, из переговорной трубы. Двигатель в штатном режиме, положение «средний вперёд», личный состав – в противогазах.

Но центральный пост загадочно молчал. Переборка задрена: что в соседнем, дизельном, неизвестно. Лодка идёт приличным ходом, наверху море кипит, эскадра маневрирует в боевом порядке. Отрабатывает отражение ночного нападения условного противника. Агрессора изображают тральщик «Павлик Морозов» и буксир «Бедуин» с баржей, на которой выставлены мишени. Учения. А на них всякое бывает. Эфир прослушивается врагами и соседями – чёрт их ведаёт, «миролюбивых», что они на этот раз удумали! И нашим гражданам лишнего знать не надо. В тридцать девятом после ультиматума Финляндии, когда авиация Балтфлота разбомбила жилые кварталы Хельсинки, в Ленинграде началась паника – народ бросился штурмовать сберкассы и продовольственные магазины. Поэтому режим строгого радиомолчания.

Ночь. Ходовые огни погашены. Тут не залететь бы ненароком под эсминец, идущий противолодочным зигзагом. Вывернет перископ с корнем, а уж если нелёгкая занесёт под крейсер серии 68-бис, так этот с его семиметровой осадкой и вовсе разрежет и ничего не почувствует. Разве что кочегары и услышат неясный скрип под днищем да акустики, вздрогнув, зафиксируют звонкий хлопок под водой. И машинально подумают: «Оп-па... минус двадцать один. Очко».

При царе в Морском Никольском соборе отслужили бы панихиду, а сейчас всё по-простому, по-пролетарски. Родным безвинно погибших матросиков втихую отошлют почтой скромные извещения на шершавых бланках, отпечатанных фабрикой офсетной печати Ленгорисполкома тиражом тридцать тысяч экземпляров. В конвертиках без марок. Учения...

«Учения! – осенило Ивана Мечетина. – Точно, это учения! Смертоносный газ зарин, зоман или ещё какая империалистическая гадость симитирована и пущена специально внутрь лодки. Отравляющая вонь есть суть вражеского воздействия на экипаж советской субмарины с целью позорного отказа последней от выполнения боевой задачи. А центральный пост, обливаясь слезами, молчит по условиям вводной. Действительно, ну не могли же они там все умереть и сразу разложиться? Служба у офицеров-подводников тяжёлая, товарищи командиры в рубке хорошо проспиртованы. Это матросам выдают сок, командирам подносят вино. Так что быстро физически разложиться – это не про них... Выход один: терпеть, матрос! Терпеть и выполнять свой святой долг! Отставить ныть!».

– Есть отставить! – браво и весело вслух скомандовал сам себе Мечетин.

Тут лодку резко и сильно подкинуло вверх. «Торпедный залп. Значит, живы, стреляют», – успокоился Иван, свалившись со стульчика. И, вскочив, закончил свои умозаключения: «Обе вышли. Торпед больше нет, в море делать нам нечего».

И снова звякнул машинный телеграф: «Стоп машина!» «Есть стоп машина!» – через резину противогаза глухо отозвался Мечетин в смердящую трубу и выставил реостат в нулевое положение.

Зашипел сжатый воздух в балластной цистерне, вытесняя забортную воду. Пол ощутимо вдавился в каблуки: лодка пошла на всплытие. Началась килевая качка, запустился дизель, прочный корпус задрожал мелкой дрожью. Про шестой отсек как будто забыли. Лишь спустя пятнадцать минут в переборку условно стукнули.

Рычаг кремальеры провернулся, и люк открылся. К Мечетину просунулась сначала нога в офицерском ботинке, затем – рука, и только после руки появились плечи, увенчанные буро-зелёной резиновой харей ещё одного противогаза с компенсационным рогом на лбу. По габаритам протиснувшегося пришельца Иван догадался, что в гости пожаловал сам замполит.

– Живой, карась? – с ходу накинута на моториста офицер. – Хорошо напердел! В центральном вонюха – глаза выколи! – придушенно пробубнил лупоглазый пришелец, осматривая отсек и бликуя кругляшами индивидуального средства защиты. – Ладно, шучу. Доложи обстановку.

– Есть доложить обстановку! Так точно, жив! Газ из трубы.

А с тоской подумал: «Жив-то жив, а что толку? Сейчас опять будет гонять, мозги конопатить». Но ссориться с начальством было не резон. Именно он подписывал увольнительные. На берег, чего скрывать, хотелось.

Замполит приложил к амбушюру противогазную коробку. Принюхался. Через секунду отшатнулся, подавив рвотный позыв. Судорожно сглотнул, утробно хрюкнул и повернулся к Мечетину.

– Что главное в жизни подводника? – грозно прорычал противогаз гостя.

– Борьба за живучесть! – стараясь не разжимать губ, отрапортовал моторист. Этот вопрос он уже слышал раз триста и правильный ответ знал хорошо.

– Как борешься?

– Посредством самоспасателя.

– Вижу. Молодец. Враг? – не унимался главный бездельник на лодке.

– Не дремлет! – притопнул сапогом Иван.

– Что хочет мировой империализм?

– Погубить нашу советскую Родину!

– А ты?

– Ни пяди врагам! Жизнь не щадить!

Противогаз-единорог довольно закивал:

– Правильно, боец! А чьей жизни не щадить? Своей или его?

– Так точно! Ни своей! Ни его! Стойко переносить тяготы службы, – на всякий случай громко добавил Иван. И тише: – Согласно уставу.

– Ладно, хрен с тобой. «Павлика» условно утопили, баржу «Бедуина» накрыли. А нас посредники списали после выстрела. Дым в трубу, дрова в исходное⁸.

Мечетин с облегчением выдохнул, и у него сразу запотели стёклышки противогаза.

– Товарищ замполит, разрешите вопрос?

– Излагай. Три слова максимум. Некогда тебя слушать, дел по горло.

– Есть, товарищ заместитель по политической части. Учения закончены?

Вопрос был не праздный. На учениях экипаж кормили увеличенными порциями макарон с тушёной.

⁸ На морском жаргоне означает: «Мы вышли из игры».

– Протри очки, – скомандовал замполит. – Дробь⁹. Исполняем цепочку¹⁰. Всплыли продуваться. Терпи. На том свете воздастся, на этом – командир похвалит. На стёклах, салага, мылом изнутри нарисуй крестики – помогает. В трубе где-то, похоже, сдохла крыса. А может, и две. Губарей допросят – разберёмся. Выяснят, зачем пробки с амбушюров снимали. Это что... – Замполит поднял указательный палец перед носом Мечетина. – Вот, помнится, когда я в Кировограде служил, в полку лошадь перед манёврами сдохла, убирать было некогда, неделю смердела, это было да-а-а... А крыса что... Мы думали, из камбуза несёт мертвечиной.

Мечетин грустно кивнул. Он понял, что добавки сегодня не будет.

Лодка с позором вернулась на базу, ряды сидящих на губе пополнились командиром дезинфекторов, остальные получили удвоение сроков. А матрос Мечетин с тех пор, осторожно выдёргивая пробку, на всякий случай аккуратненько заглядывал в трубу и втягивал ноздрями струящийся из неё всегда затхлый аромат старой меди, прежде чем ответить своим неизменным «Есть!».

Но вовсе не запах пугал отважного краснофлотца, а вполне вероятная возможность неожиданного контакта с выскочившим из отверстия обкуранным хвостатым пасюком. Не его хотел целовать матрос, совсем не его... О других поцелуях мечтал в запертом стальном отсеке Иван, рисуя пальцем на всегда влажных переборках неясные образы с длинными локонами, мечтал о лобзаниях нежных и сладких, о пылких объятиях и ярких страстях... Была у Вани девушка на гражданке, была. Писала письма, ждала.

Когда лодка ходила под дизелем, в шестом отсеке никакой особой работы не было. Электромотор вертелся как обратная машина на зарядку, и можно было тихонько сидеть на своём откидном металлическом стульчике под зарешёченной тусклой лампой и мечтать о доме, о маме, даже, несмотря на ежедневный штатный приём киселя с бромом, о своей подружке Сонечке, лаборантке Московского института кожно-венерологических болезней имени В. Г. Короленко, и, конечно, о вкусной и здоровой пище из одноимённой книги, выпущенной под кураторством Анастаса Ивановича Микояна в Лейпциге... И ещё изобретать автомобиль будущего. Электродвигатель «сидел» на валу расположенного в пятом отсеке дизеля и соединялся с ним посредством разобщительной муфты, чтобы не крутить основной движок под водой вхолостую. Мечетин, временами задрёмывая под шум своего электрического друга, размышлял о том, где бы ему разжиться таким электромоторчиком и батареями, чтобы они влезали в отцовский четырёхпервый «москвич». Вот только смысл такой модернизации у Ивана никак внятно не оформлялся. стакан бензина стоил дешевле, чем стакан газировки без сиропа. Вот если только для шпионских нужд? На электричестве «москвич» под покровом ночи бесшумно появлялся бы в каком-нибудь тайном месте, скажем, в Венском или Булонском лесу. Водитель в фетровой федоре (как у сыщика Спэйда в трофейном фильме «Мальтийский сокол», который разок поставили на плавбазе вместо обычного «Чапаева») и дорогом шевиотовом костюме с пистолетом лежал бы в охране, а его спутница (конечно, это была Соня) отстукивала бы секретную радиogramму в Центр. Закончив сеанс, парочка снова бесшумно бы исчезала, а на людях, на какой-нибудь Diezelsstrasse или Rue de Submarine, Ваня (он же Ганс, он же Пьер – в зависимости от легенды), закулив иностранную сигарету, включал бы зажигание и, преспокойно тарахтя движком, въезжал бы в общий поток! А рядом на москвичовском диванчике к нему с благодарностью доверчиво прижималась бы своими раскосыми, волнующимися под жёстким атласом лифа персиками груди белокурая пианистка-радистка в фильдеперсовых

⁹ Отбой (флотское).

¹⁰ Идём домой (флотское).

чулочках (под резинку которых резидент лично закладывал на хранение секретный шифр) на плотных, крепких, ножках и с глубоким декольте под алыми губками сердечком.

Ах, Соня, Соня... дожждётся ли она бравого моториста? Четыре года службы – срок немалый. Иван с тоской вспоминал, как они скоротечно целовались на перроне в Вербилках, у вагона поезда Дубна – Москва, когда она уезжала с дачи своей бабушки в Москву, где её родители жили в коммуналке на Открытом шоссе. «Не дожждётся, – заключал мысленно Мечетин. – Не дожждётся. Уж больно она хороша, и пахло от неё тогда земляникой...»

Каждое утро лодку, если она была не в походе, испытывали на герметичность. Раздраивали отсеки, задраивали входной люк и воздушную заслонку мотора, после чего запускали движок на холостом ходу. Суть проверки была проста: весь немалый табун «лошадей» судового двигателя при закрытом люке и при отсутствии травления – протечек воздуха извне – должен был как миленький одномоментно задохнуться при работе внутри прочного корпуса лодки. «Лошади» и выпускали дух спустя какое-то время, обычно быстрее членов экипажа, ибо были капризнее и требовательнее, чем притихшие по разным углам лодки служивые люди. Дизель толчками цилиндров заглатывал и сжирал кислород внутри отсеков раньше, чем впадали в полусонное забытьё матросы. Когда движок, затихая, переставал в конвульсиях клацать пружинными приводами клапанов и трястись, больше не высасывая последние остатки живого воздуха, вот тогда только можно было отдраивать рубочный люк и впускать со свистом свежий морской бриз внутрь. Иван Мечетин очень не любил эту процедуру. Наступала тяжёлая сонливость, апатия, болели уши, да и сидеть в ожидании удушья и агонии дизеля в холодной до озноба коробке отсека ему было грустно. В эти минуты не мечталось ни о чём, даже о девушке в лёгком сарафанчике, приветливо улыбающейся бравому матросу, подъезжающему к ней на своём полувоздушном «москвиче».

«Выйдет замуж... Эх, Сонька, Сонька... Не дожждётся меня ягодка моя. Мать не даст ей в девках засидеться, деревенские они, хоть и в столице живут, в вековухах остаться у них – страх животный, вечный...» – пульсировала в затихающем сознании безнадёжная мысль.

А в море были свои нюансы.

Лодка не имела туалета. То есть в проекте галльон теоретически существовал и в металле оформлен был. Но фактически отсутствовал. По воле и приказу капитана. Под водой воздуха в отсеках хватало от силы на шесть-семь часов, затем всё равно надо было обязательно всплывать, продуваться, заряжать аккумуляторы. Бойцы потерпят.

Всплыли – круговой дозор, определение местоположения, подзарядка, проветривание и, конечно, оправа экипажа. И вот однажды в походе краснофлотец Мечетин вдруг захотел по «серьёзному делу». Доложил в центральный. Ответ рубки был, как всегда, по-военному лаконичен: «Ждать! Офицеры в первую очередь».

Наконец всплывают, отдраивают люк.

Идёт обычная работа: лодка – «пом-пом-пом» – сжатым воздухом высокого давления запускает движок, восстанавливает запас хода, заряжает батареи, убирает излишки водорода из аккумуляторных ям, экипаж выскакивает по очереди «до ветру». Наконец и мотористу разрешают вылезти наружу. Он пробирается через дизельный отсек в центральный пост, для чего пропускающие его дизелисты садятся из-за тесноты на корточки, а Мечетин перепрыгивает через них, как в детской игре «в козла», протискивается мимо ожидающего по боевому расписанию своего выхода оружейного расчёта с навесной оптикой и снарядами ящиками наготове, получает от кока бак с камбузными помоями, снимает с крючка медный номерок¹¹ и по вертикальному трапу споро поднимается на «лимузин»¹².

¹¹ Свидетельство того, что на палубе находится матрос.

Там уже в мокрых клеёнчатых капюшонах – в квадрате дождь со снежными зарядами – толкуются капитан, штурман, сигнальщик и замполит. Командиры курят.

Новоявленному указывают место. Обычно за рубкой. Подальше, чтобы не очень воняло. И объявляют боевое задание (раз уж ты здесь): наблюдать за сектором неба, скажем, зюйд-зюйд-вест. Мечетин, полупьяный от свежего воздуха, спускается по склизким скобам на палубу, споро вываливает содержимое помойки за борт, а лодка тем временем (стоять нельзя, встал – погиб, дрейфующую цель быстро разнесут вдребезги) дымит соляровым выхлопом, разворачивается носом под ветер. Корма проседает в бурлящую зелёную воду, нос «Малютки» на мгновение зависает в пустоте, затем ухает вниз, с громким хлопком поднимая перьями горизонтальных рулей тучи брызг. Тёмная в прожилках пены волна с шипением прокатывается по палубе. Одиноким, мокрый с ног до головы, закусив зубами номерок и ленты бескозырки, матрос, обнимая локтями помойный бак, держится двумя руками за стойку леера и, захлёстываемый то брызгами, то дождём, сосредоточенно выкакивает свою нужду, не забывая выполнять ратный долг – зорко наблюдать за клубящимися низкими облаками во вверенном ему секторе небесной сферы. И одним глазом поглядывает за «лимузином». Вдруг там возникает лёгкое смятение, неясное передвижение островерхих фигур, и сигнальщик, оторвав бинокль от глаз, громко выпаливает: «Товарищ капитан-лейтенант! Самолёт на правой раковине, не опознан, курс...»

Командир зычно командует: «Срочное погружение! Всем вниз, ныряем!»

Ваня Мечетин, моторист машинной команды, старший матрос, вздрогнув от звука ревуна, разорвавшего своим кряканьем монотонный шум моря, с голыми посиневшими ягодцами скачет, одной рукой натягивая насквозь промокшие и липнувшие к ногам порты, другой, с зажатой безмянным пальцем дужкой бачка, цепляясь за леера, спешит по скользкой палубе к рубке и, достигнув её, стремительной обезьяной запрыгивает в «лимузин», чтобы черенком от лопаты успеть упасть вниз, на центральный пост, до вахтенного, который последним задраивает люк. Командир уже внизу с секундомером, замполит сверху строго наблюдает, не наступил ли кто ненароком на мелованную резинку люка, не потечёт ли вода из-под его крышки при погружении. Не дай бог оставить след – взыскание. Откажут в сохранении очереди. Наконец все на месте, гуттаперчевая прокладка девственно чиста и бела, люк задраен, номерок висит на штатном крючке. Боцман вслух отслеживает глубиномер. Мечетин, сдав коку пустую ёмкость и выслушав недовольное бурчание: «А чего не сполоснул?», пробирается на свой пост.

Попадающимся по пути интересно: успел ли краснофлотец оправиться и покурить? Уменьшилась ли очередь?

Краснофлотец отвечает старшим по званию: «Не успел, товарищ старшина второй статьи, самолёт на ост». А равным себе и ниже по статье матросам: «Любопытной Варваре за базар нос оторвали!»

* * *

Я часто вспоминаю Ивана Фёдоровича, который однажды, споро выходя из туалета с папкой чертежей, логарифмической линейкой и микрометром, в ответ на моё искреннее удивление его видом назидательно пояснил:

– Когда я был молодым, таким, как вы сейчас, я служил срочную на подводной лодке и приобрёл массу полезных навыков, поэтому не теряю времени даром и делаю сразу несколько важных дел...

– Иван Фёдорович! Как там было в то время?

¹² Открытый мостик в надстройке.

Мечетин сначала хмыкнул: мол, потом-потом, но вечером, когда мы вместе шли с работы до метро, рассказал. Надеюсь, я ничего не забыл и ничего не приврал. Читатель на этом месте обязательно наморщит лоб: «Ну, с этим мне всё более-менее понятно. А что ж Соня? Дождалась?»

И я спросил, когда мы дошли до входа в вестибюль станции:

– Ну а она... дождалась?

– Да, она дождалась. Идёмте, стоять нельзя – накроют. – Иван Фёдорович взял меня под руку и увлёк за собой в сторону от людского потока. Мы отошли от дверей.

Мечетин порылся в кармане плаща, достал сигарету, размял, закурил.

– Дождалась. Свадьбу отыграли почти сразу после дембеля. Но служба не дала мне почти ничего полезного для гражданской жизни. – Мечетин затянулся, выпустил дым, задумчиво разглядывая прохожих, и с быстрой улыбкой закончил фразу: – Через месяц мы разошлись. Как, кстати, и предсказывала её мать. Женщина ушлая, наблюдательная, хитрая. Соня была совсем на неё не похожа. Мамка работала на продовольственном складе, дефицит в доме не переводился. Осетрина, конфеты в коробках, американские сигареты, французский коньяк. Даже холодильник у них был «Газаппарат». И телевизор «Ленинград». Неплохо для простой кладовщицы?

Мечетин улыбнулся и продолжил:

– Правда, всё куда-то уходило: это дантисту, это участковому, это обэхээснику, это ещё кому-то... Извращённый социализм. Товарно-услугиые отношения. Я для неё со своими навыками был абсолютно пустым местом. Она мне в лицо по утрам, гремя посудой, иногда с искренней горечью бросала: «Эх, какую девку испортил, матрос!» А по вечерам брезгливо интересовалась: «Ну что, зятёк, ты ведь сегодня на работе был? И чего ты в дом полезного принёс, добытчик?» И что бы я ни ответил, она только хмыкала Соньке: «Бесполезный мужик на тебе завёлся, доченька». Сонька отмалчивалась. Мы как будто заново узнавали друг друга. Ожидание спалило чувства, я и она по-детски, по-киношному ждали от брака чего-то необыкновенного, или по крайней мере повторения того яркого, что было до ухода. Но мы уже стали другими. Служба оказалась зряшным с житейской точки зрения делом. Она только взвинчивала меня в ожидании свободы, уводила в фантазии. А полезного для обыденной, бытовой стороны семейной жизни ничего не дала. Лодка была местом потерянного времени, бесполезных усилий и ненужных эмоций. Как бы ни расписывал замполит нашу грозную боевую единицу, это была малютка, карлик, москит. Пушечка калибром с банан годилась только шмалить по фелюгам да по водным велосипедам. Лодка медленно погружалась, катастрофически медленно всплывала, при торпедном залпе терялся баланс, и рубка часто выскакивала из-под воды: «Смотрите! Это я выпустила! Я здесь!» И было другое время, другой уклад жизни. Война наложила на народ печать зыбкости существования, желания добиться какого-нибудь значимого результата сейчас, сразу, а не потом. Мы с Соней не были исключением. У каждого была своя правота. У её матери, которая желала своей дочери солидного, добычливого мужа, умеющего жить красиво, и у моей, которая видела в невестке тихую и покладистую помощницу по хозяйству. Тягу учиться родители активно не поощряли, видя в этом угрозу своему кошельку и свободному времени. Выходов было два: просто работать или работать и учиться. Второе – ясно, труднее. Но мне страшно не хотелось всю свою жизнь провести полуголодным придатком какого-нибудь механизма, чувствовать себя на уровне муравья, повторяющего изо дня в день одни и те же движения. Я просто жаждал стать кем-то значимым. Сонька уже была студенткой на вечернем... После очередной ссоры мы нашли силы и терпение выслушать друг друга. Шёпотом ночью, чтобы не будить спящих за ширмой родителей. Утром подали на развод.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.